

Пара для
МЕДВЕДЯ ОДИНОЧКИ
Ясмина Сапфир

Ясмина Сапфир

Пара для медведя одиночки

«Автор»

2023

Сапфир Я.

Пара для медведя одиночки / Я. Сапфир — «Автор», 2023

Он медведь одиночка и привык жить один. Выполняет задания организации, которую многие оборотни ненавидят и презирают. Так он и нашел ее. И теперь не может больше один, но и с ней – никак. Она замужем и у нее сын. Да и помощь ей будет стоить ему свободы. А ведь он так хотел найти убийцу сестры... Муж обидел меня перед Днем Рождения. Я ушла куда глаза глядят и... чуть не оказалась в больнице с пневмонией. Но очнулась в чужом доме, рядом с незнакомцем. Выяснилось, что я – аурный оборотень. Мой зверь – призрачный дракон. И этот мужчина так обо мне позаботился, что сам подставился под удар. Я вернусь домой, но смогу ли его забыть? А самое ужасное – нас связала давняя трагедия.

© Сапфир Я., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	31
Глава 5	36
Глава 6	41
Глава 7	45
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ясмина Сапфир

Пара для медведя одиночки

Пролог

В шоке

– Ну давай же! Ну! Приходи в себя! Давай! Ты сможешь! Ты же нэнги! Воспользуйся второй ипостасью! Давай, драконица! Борись!

Мужской голос звучал немного взволнованно, тревожно и очень ласково. Что было крайне странно – ведь я впервые слышала этот приятный, бархатистый бас.

И, тем не менее, он буквально преследовал меня в той тьме, где я оказалась...

В бессознательном состоянии...

Он звал, он просил, он временами молился каким-то неведомым мне богам.

Храсту, Деверту, Тализее... Просил их помочь мне, потому что они и мои боги тоже...

Он не оставлял меня ни на секунду, кажется – ни днем, ни ночью, хотя я почти не различала времени суток...

Редкие проблески сознания дарили то вспышки слепящего солнечного света, то падающие в глаза лучи от яркого светильника где-то рядом. Складывалось ощущение, что комната либо плотно зашторена, либо все окна наглухо закрыты жалюзи...

Не знаю сколько так продолжалось. До момента, когда мне вдруг стало хорошо. Не столько хорошо, наверное, скорее нормально. Но это «нормально» любой тяжело больной ощущает как «хорошо», «здорово», «вау»...

...Солнечные лучи лизнули веки теплом, слегка царапнули непрошенным требованием, наконец-то, проснуться. Или очнуться? Выбраться из того тягучего, вязкого забытья, где я пребывала... не знаю уж сколько времени. Казалось – что долго.

Причем, складывалось странное ощущение, будто во мне что-то очень сильно изменилось: и внутри, и снаружи. Я словно переродилась. Стала другим человеком... или другим существом?

Брр... Ерунда какая-то!

Я ведь не в фантастическом мире живу, в самом обычном. На Земле, где, конечно, что ни день, то такие потрясения, мало не покажется, успокоительных не хватит. Но уж точно никто не превращается в другое существо.

Я с трудом разлепила свинцовые веки и попыталась приподняться в постели...

Секундная слабость вдруг переросла в какую-то странную, нечеловеческую мощь. Я аж подскочила и села без малейших усилий. Хотя еще мгновение назад тело казалось тяжелым, неповоротливым, в мышцы будто налили металла... Суставы не гнулись, конечности не слушались... Ощущались чужими, одеревеневшими... На каждый рывок сердце реагировало тревожным сильным ударом...

И вдруг... такое преобразование... Все неприятные ощущения словно рукой сняло.

Я чувствовала себя... обновленной, отдохнувшей. Будто и не болела долго, а провела несколько дней в оздоровительном пансионате. Ходила на массаж, принимала лечебные ванны, гуляла...

Первое, что я увидела – стену. Широкую, высокую, выкрашенную в голубой цвет. Нет, скорее в приглушенно синий...

Следующим взгляд уперся в потолок. Он оказался гораздо выше, чем привыкла. Даже не знаю сколько от него до пола... Думаю, не меньше метров шести... Но я никогда не могла похвастаться хорошим глазомером.

Из окна лился тугой поток желтоватого света. И я ощущала его как-то иначе. Словно каждая искорка, каждый лучик немного и моя частичка тоже. Я никогда прежде так не чувствовала солнце...

В совершенно, казалось бы, прозрачном воздухе комнаты я видела мельчайшие пылинки... Краска на стене вдруг проступала пятнами. Вроде бы ровные слои где-то оказывались тоньше, где-то – толще, а где-то между ними даже проглядывали микроскопические разрывы и просвечивали крошечные пятнышки известки.

В углу под потолком притаился в ожидании добычи паук. Такой пушистенький, с меховыми гольфиками на лапках, с изящным узором на спинке и огромными глазами-бусинками. Я настолько четко его видела, словно смотрела картинку в интернете, где насекомое увеличено в разы!

Снопы лучей сыпались сверху, а прямо перед окном оказался забор. Ну не то чтобы прямо – скорее вдали. Но такой кирпичный добротный высокий забор, какие окружают коттеджи.

Комната, где я очнулась была на редкость просторной. Хотя этого и следовало ожидать, учитывая масштаб постройки с такими-то потолками. А вот мебели тут оказалось аскетично мало. Тумбочка возле кровати, комод около стены и, собственно, моя постель. Тоже немалых размеров. Человека четыре легко уместились бы, причем даже не стесняя друг друга.

Зеленое постельное белье похрустывало чистотой и отдавало ноткой ванили.

Боже! Где это я?

Ответа не последовало. Потому что мой мозг совершенно не мог «оцифровать» это помещение. Я никогда его не посещала. Я представления не имела – где оно и кому принадлежит.

– Очнулась?

В комнату заскочил крупный мужчина. Очень крупный, я бы сказала. Но не тучный и не массивный. Не знаю почему, но сразу подумалось – Медведь. Ну правда, он очень напоминал медведя.

Матерого, сильного хищника. Величественного в своей природной, дикой мощи и даже немного опасного.

Могучий разворот плеч, широкая грудь, плотное телосложение. Не человек – гора. Огромные руки. Реально, просто огромные. И рост... я думаю больше двух метров однозначно.

Волосы, чуть выгоревшие на солнце, непослушными вихрами спускались на плечи. Прическа «а-ля отросшая стрижка» выглядела диковато, но ему шло. Причем, посередине головы пряди были намного светлее, чем у висков и на затылке. Словно незнакомцу сделали мелирование. Но почему-то я знала, что это не так. Вот прямо была совершенно уверена. Крупные, мясистые черты лица, тем не менее, были очень приятными на вид. Я бы сказала даже миловидными. Насколько вообще могут быть миловидными массивная квадратная челюсть, прямой нос и немного пухлые губы. Глаза у незнакомца оказались странного оттенка. Я бы даже заподозрила контактные линзы, но совместить в голове нечто подобное и этого верзилу не выходило. Радужка медведя казалась сизоватого оттенка с изумрудными вкраплениями.

Свободная синяя футболка и черные спортивные брюки придавали этому хищнику какой-то одомашненный, прирученный вид. Большие босые стопы выглядели немного странно. Я даже не сразу сообразила – что меня так удивило. Ноги как ноги. Ну большие, ну с хорошим, здоровым подъемом... Только спустя секунду сложилось. Пальцы у медведя оказались широко расставленными, с заметными промежутками друг от друга. Такого не увидишь у аборигена каменных джунглей города двадцатого века, чьи ноги с младенчества деформированы обувью.

А мне вдруг представилось, что на медведе коричневая куртка и черные ботинки на широкой, рифленой подошве. В густых прядях запутались снежинки... Вокруг него метель гонит белую карусель... Позади, справа, слева, да повсюду белая пустыня.

...Я смотрела на незнакомца, который присел на край кровати и вдруг в голове словно фильм в перемотке начали возникать картины моего недавнего кошмара...

Глава 1

В беде

Несколькими сутками раньше

Я ужасно хотела весело отметить свой день рождения. Давно уже не собиралась с друзьями, да и с одной из подруг – Ниной – мы как раз только что помирились. И я надеялась, больше ссориться надолго не станем.

С самого утра я металась по кухне и дому как заведенная.

Поставила вариться овощи для салата, отправилась наверх, убираться в гардеробной. Начала готовить, чтобы уже завтра с утра не пришлось, все порезала, выложила слоями...

Пошла красить голову...

В общем, крутилась как белка в колесе. Муж уехал кое-что докупить для гостей, а сынишка еще был в школе. Во второй половине дня должна была прийти помощница по хозяйству, чтобы немного подсобить с организацией праздника.

И вот я вся такая бодрая, в предвкушении, заполошная рванула на первый этаж, потому что надо было срочно выключить тарталетки в духовке и... по мне мазнул холодный ветер. Ладно бы просто мазнул! Как раз здорово похолодало и меня прямо обдало – с головы до ног. Аж мурашки выступили на теле.

Я вернулась наверх, как могла утепилась, надела шапку и куртку и спустилась снова. Закрыла две форточки, уже предчувствуя беду... Я, с мокрой головой, вся перегретая от бега и работы... а тут минус двадцать пять градусов с ветром к нам в дом...

Добро пожаловать... и не говорите, что не ждали...

Я поднялась наверх и набрала благоверного. Его беспечный голос с бодрым «Ал-ло!» резанул по живому.

– Почему ты уехал и открыл форточки?

– А? Я разве их не закрыл?

– Представь себе!

– Ну так закрой сама!

– У меня мокрая голова и я вся разогретая от работы! Я заболела!

– Да ничего ты не заболела. Не паникуй... подумай... Ты жару развела на кухне.

Мне ведь нужно было подышать...

– Почему ты не закрыл форточки за собой?

– Я забыл... Ты будто ничего не забываешь по жизни. Да ничего страшного не случилось.

Ты слишком драматизируешь...

– Почему ты никогда обо мне не заботишься?

– А по чьим делам я сейчас езжу? По своим, что ли...

Мои претензии потонули в его аргументах...

...А наутро я проснулась, не в силах даже слово сказать – голос пропал, горло дико болело, кашель разрывал грудь...

Ну, естественно...

Я спустилась к благоверному, который радостно «дегустировал» тарталетки, что я вчера наготовила. В кухне гостиный стоял запах свежего цикория. Муж выглядел бодрячком, веселый такой, в предвкушении праздника.

Я закашлялась, попыталась сказать... затем снова закашлялась...

Мне пришлось буквально выжимать из себя каждое слово – силой. Даже дыхание перехватывало. Я сипела, захлебывалась... Голова кружилась от нехватки воздуха.

Сердце бухало в груди – нездорово, неровно.

– Я ведь говорила! Я просила! Я тебе вчера звонила...

Я плакала, хрипела, закашливалась... Складывалась пополам от приступа.

А муж... муж выглядел просто скалой.

– Да ладно тебе! Выпьешь горячего чаю, все будет хорошо...

Он даже не понимал, что испортил мне день, который я так ждала, к которому столько готовилась и на который потратила столько денег.

Он не понимал ничего! Кроме своего этого «мне нечем было дышать»... Кроме своего «ничего страшного».

А ведь я даже платье себе купила! Новое! Красивое! Дорогое! Жаба душила, но я посчитала – для себя любимой нужно сделать презент!

И специальные туфли к нему подобрала!

Слезы застилали глаза, от температуры бросало то в озноб, то в жар. И я не знаю, что на меня нашло. Надо было лечь в постель, отменить гостей и лечиться.

Вместо этого я тихо вышла в коридор, оделась и отправилась куда глаза глядят.

Утренний поселок, укрытый снежным покрывалом, деревья, припорошенные инеем...

Сизое небо с темными росчерками птиц...

Все это казалось таким чужим, таким странным. Как будто я – не я. Словно меня вырезали из другого мира, насильно поместив сюда. И я тут чужеродный объект, как заноза в пальце.

Ветер шальными порывами бросал в лицо холод, снег, влагу...

Озноб колотил, кашель рвался наружу, холодный воздух заставлял горло заходиться сильной резью... Аж в шею и уши начало отдавать...

Но я шла, шла и шла. Куда-то...

Заставляла ноги сгибаться, делать шаги... Толкала тело вперед...

В какой-то момент почудилось, я двигаюсь гораздо быстрее прежнего. Как будто ко мне приделали крылья, и я несусь, почти не касаясь земли.

Причем, с какой-то странной, не свойственной человеку скоростью. По крайней мере, пейзаж вокруг уходил назад поразительно быстро, будто я еду на машине, как минимум.

Вокруг мелькали незнакомые дома, которые я еще ни разу не видела. То ли я очутилась в другой части поселка, то ли уже совсем потеряла способность нормально воспринимать окружающую реальность...

Мне было и плохо, и все равно.

И некомфортно, и как-то безразлично...

Поэтому я продолжала двигаться по инерции...

Пока... не упала... словно меня выключили.

Мир перевернулся. Над головой распростерлось серое зимнее небо с проблесками весеннего солнца. Тепло уже подбиралось к нашим краям, просачивалось, но медленно и неверно...

Под телом хрустким неровным матрасом примялся снег.

Дыхание с трудом вырывалось из горла, а затем вдруг я начинала дышать сильнее, почти нормально. Сердце то заходило, то возвращалось к обычному ритму.

Странными взрывами приходили запахи. Именно взрывами. То их совсем не было, то внезапно меня окутывали самые разные ароматы. От нотки домашней запеченной картошки до запаха собачьей будки... Хотя, я вроде бы не могла воспринимать их, ведь ближайšie дома были далеко и морозный зимний воздух гасил запахи. Не лето и даже не весна!

Глаза неожиданно и странно фокусировались на чем-то и зрение неожиданно менялось. Я словно глядела в бинокль. Далекие ветки дерева вдруг становились ярче, проступали трещинки в коре, какие-то странные наросты – по-моему там спрятались на зиму насекомые. Я даже могла разглядеть зачатки почек... Чуть дальше в небе реяли птицы, и я видела трещинки на их клювах, неровности оперенья...

Казалось – все это не по-настоящему.

Бред, может галлюцинации.
Я прикрыла глаза, а когда открыла, рядом обнаружился странный мужчина...
Он был очень легко одет для нынешней стужи. Тонкая куртка, без шапки, ботинки, по-моему, просто осенние.
И еще чудилось – он принохивается...
Голова закружилась, тело окончательно обмякло, и я потеряла сознание...

* * *

После того как очнулась...

Вопросы множились и кружились в голове словно ворох бумаг, поднятых ветром. Когда-то это была стройная история, а теперь листки в беспорядке перемешивались и создавали дикий хаос информации.

Почему я здесь? И вообще где *это* здесь?

Сын? Мой любимый Мишутка, мой сынишка? Как он и что думает про мою пропажу?

Как давно я тут? Сколько прошло времени?

Почему я здорова? Судя по тому, как я себя чувствовала, теряя сознание, меня, как минимум, должен колотить озноб и разрывать кашель. Хорошо еще, если не пневмония давить на грудь и не позволять сделать нормальный вдох. Так почему я так хорошо себя чувствую?

Ни жара, ни боли в горле, ни элементарного насморка?

Кто этот мужчина и почему он так смотрит?

Каждый вопрос буквально сбивал с ног. Лишал и без того шаткой уверенности в привычной реальности.

Я присела на кровати и сморгнула. Незнакомец кивнул и произнес:

– Ну давай уже, приходи в себя! Ты переродилась и восстановилась, как и положено нэнги!

– Кому? – машинально уточнила я.

Его бархатистый грудной бас казался очень приятным и до боли знакомым. Именно он врывался в мое забытье, пытался оттуда выдернуть, убедить поскорее очнуться...

Именно он молился за мое здоровье! Хотя я и не думала, что кто-то все еще подобным вообще занимается!

Но слова выглядели полной абракадаброй.

А может я брежу?

Может я все еще замерзаю в снегу, там, где-то в поселке?

Может все это галлюцинация?

Я вскочила с кровати с какой-то просто невиданной скоростью, можно сказать – пулей вылетела, обнаружив, что вместо привычной одежды на мне мешковатая рубашка и огромные спортивные штаны.

Метнулась к окну...

– А ну стой! – рыкнул на меня незнакомец с какими-то предупреждающими интонациями. – Стой, говорю! Тебе нельзя пока выходить!

Я крутанулась на пятках, сморгнула.

– Да вы кто вообще такой, чтобы мне указывать? Вы, что, меня похитили? Заперли?

Мысль показалась незнакомцу смешной. Он хохотнул от души, аж голову запрокинул.

– Ну да, делать мне больше нечего, как похищать замерзших в снегу нэнги!

За жалюзи оказался балкон, а за ним – заснеженная пустыня. Домов рядом я не заметила, словно мы находились где-то на пустыре. Высокий забор огораживал дом вдалеке. У владельца «поместья», похоже, земли, как у древних аристократов.

Впрочем... если приглядеться... Вдалеке выстроились ряды крыш, обрезанных сероватыми заборами. Поселок? Мой поселок?

Я оглянулась на мужчину.

В груди встревоженной птичкой билось сердце. Было и страшно, и странно, и почему-то не верилось, что со мной здесь случится нечто плохое. Странные, разноречивые чувства рвали на части. Такие сильные, аж непривычно!

Я хотела бежать так, что звенели мышцы и желала... остаться? Застыть под непонятым, гипнотическим взглядом медведя, от которого почему-то внутри что-то трепетало и мурашки стайками неслись по телу...

Он так смотрел... Так смотрел... Чудилось – в этот взгляд можно укутаться как в нежный, кашемировый плед... Так смотрит любящий родитель на озорника-ребенка... Это сложно передать словами, но именно от таких взглядов внутри теплеет и губы сами растягиваются в счастливой улыбке.

Брр... Бред какой-то! Я не знаю этого медведя! Какие такие чувства он может ко мне испытывать? Да еще после того как приказывал, словно имеет полное право распоряжаться мной!

Да что вообще происходит, в конце-то концов? Смятение отдавалось в висках бешеным пульсом. Тело само куда-то рвалось. Куда? В далекий поселок? Домой? К сыну? Наверное... Куда же еще?

– Вы кто? Как я тут очутилась? Почему я тут? Где сын? Что вы со мной делали?

С каждым вопросом меня почему-то словно подкидывало в воздух. То ли чудилось, то ли нет, но я будто бы перестала касаться стопами пола. Раньше босые ноги ощущали неровности паркета и гладкость полированного, покрытого лаком теплого дерева. И вдруг... под ними будто оказался воздух... Пустота... Ничего...

Мужчина нахмурился, поднялся. Огромный, немного злой и слегка ошарашенный. Двинулся на меня горой. Нет, правда, он так надвигался, что складывалось ощущение – Эверест надвигается...

– Успокойся и остановись! – приказал он опять.

И это так меня взбесило! То, что ни на один вопрос мне не ответили. То, что я невесть где и не знаю, как там Мишутка! То, что я с незнакомцем и он мной распоряжается! То, что я понятия не имела, что случилось между моментом, когда вырубилась в снегу и нынешним днем... Днем... Казалось – прошли не часы – дни, а может и больше.

Все это почему-то вызвало у меня не столько страх, не столько панику, сколько странную, не свойственную мне злость. А то даже и... ярость...

Я рыкнула. Нет, правда, натурально рыкнула. Вокруг тела образовался какой-то радужный купол или вроде того, засверкал золотистым. Словно у меня по-прежнему продолжались глюки. Я взмыла в воздух, как будто меня подняло на крыльях. Под потолок, вперед.

Каким-то невероятным быстрым движением пальцев открыла балконную дверь и взмыла ввысь! Реально! На самом деле поднялась над домом, к облакам, к птицам... К порывистому ветру, что аж присвистнул в ушах от удивления.

Да я и сама была ошарашена по самое не могу!

Я летела! По небу! По зимнему небу! В перьях свежего снега, в лучах яркого солнца!

При этом мне было совершенно не холодно! С босыми ногами, без варежек, в двух тряпицах такого размера, что к телу они почти не прикасались, я чувствовала себя абсолютно комфортно!

– Да что ж ты делаешь! Дура! Сейчас ОПО как нагрят! – одарил меня очередными вопросами незнакомец. Выскочил на балкон и... сбросил одежду. Причем, полностью. Вообще все!

В следующие секунды словно в замедленной съемке он... встряхнулся, встал на четвереньки, как и я, покрылся золотистыми бликами и... передо мной оказался гигантский медведь со светлой полосой по всему телу.

А затем будто огромная коричневая пуля рассекла воздух, сбила меня на лету и... мы рухнули вниз, в снег.

От ярости у меня потемнело в глазах. Я принялась отбиваться... когтистыми лапами?

Да нет, это уже точно какой-то бред.

Вот только медведь навалился, скрутил...

И мне было в снегу так жарко, так странно, так непонятно...

То снежинки впивались в кожу мириадами иголок, а то чудилось – я на мягкой перине! То вдруг прохлада прокатывалась по коже, а то становилось совершенно комфортно. Как дома, в тепле, в уюте. Я словно не в морозный день вывалилась из коттеджа, а вошла в отлично прогретую сауну.

Вокруг хлюпала вода, подтверждая – мне вовсе не кажется. Снег вокруг превращался в теплую воду! Парил над нами и поднимался в воздух. Пар струился от наших тел, окутывал чудным туманом.

А я продолжала яростно вырываться, дергаться, юлить, полосовать руками воздух, будто дикий зверь, что старается когтями достать противника.

– Тихо, ты! – утробно рыкнул незнакомец. – Да успокойся! Натворишь дел! ОПО придет! Я тебя им не отдам! Ни за что и ни при каких обстоятельствах! Но оно нам надо?

Нам? ОПО? Надо?

У меня совершенно уже ничего в голове не складывалось. Словно я угодила из своего мира в какой-то другой, как попаданка в историю из фэнтези. И теперь не понимаю вообще – что происходит. Не то чтобы вокруг – даже со мной.

Мужчина, а он снова уже стал мужчиной – сгреб меня в охапку, сжал и понес в дом. В тисках его сильных рук я затихла. От неожиданности, от шока, от потрясения из-за увиденного и всего, что случилось недавно. Я была настолько ошарашена, что даже пошевелиться не получалось. Напал какой-то странный ступор.

Высокое крыльцо медведь преодолел кажется одним прыжком. Тяжелая металлическая дверь толщиной не меньше двух ладоней распахнулась от небрежного рывка. Мы очутились в коридоре и от нас все еще валил пар! Пар! Горячий, влажный...

Моя одежда была мокрой – хоть выжимай. Но я совершенно не чувствовала холода!

Бррр...

Бред какой-то!

Может я в больнице, с пневмонией, под капельницей и вижу такие странные сны?

Медведь вошел на первый этаж в огромную кухню-гостиную с голубоватыми стенами и потолками, не меньше, чем на втором этаже. Уложил меня на диван и рывком сдернул одежду. Я очутилась совершенно голая перед незнакомым мужчиной. Однако мне почему-то совсем не хотелось прикрыться, сжаться. Да хотя бы ладонями заслонить самое сокровенное...

Напротив, я так и лежала: сбита с толку, но на диво расслабленная...

Он тоже был весь мокрый, взбудораженный настолько, что аж волосы на теле встали дыбом. Ноздри раздувались, а дыхание вырывалось из горла с присвистом.

Я невольно очертила взглядом могучую фигуру медведя. Было немного стыдно, но удержаться не вышло. Он словно был создан, чтобы его рассматривали. Плюс между нами присутствовала какая-то непонятная мне, дикая, первобытная химия. Когда действуешь прежде, чем осознаешь, как и зачем. И ни на флирт, ни на кокетство не остается возможности... Как и на то, чтобы остановиться...

Это было сильнее меня.

Взгляд скользнул по лицу медведя, отметив насколько мутными и блестящими стали удивительные сизые глаза. Спустился ниже, скатился с массивного подбородка, на бычью шею, еще ниже... На грудь, больше похожую на два мощных металлических щитка, на шоколадку пресса... Еще ниже... еще... вдоль по темной дорожке курчавых волос... Я сглотнула и замерла... Он был очень возбужден. Ну прямо очень.

И габариты незнакомца оказались весьма впечатляющие. Вот уж в жизни бы не подумала, что стану так пялиться на малознакомого мужика, причем на те самые части тела, куда пялиться особенно неприлично. Тем более, когда ты замужняя женщина и добропорядочная мать!

Медведь прокашлялся и криво усмехнулся. Провел рукой по волосам, будто пытался убрать их с лица, но пряди лишь сильнее рассыпались.

И боже! Как же он был хорош! Дикий, просто гора мускулов. Возбужденный настолько, насколько это возможно, в принципе...

В этом зрелище скрывалась какая-то странная, раньше недоступная мне эстетика.

Незнакомец не двигался, позволяя рассмотреть себя получше. Только тяжело и надсадно дышал.

Это было какое-то безумие: сладкое и острое одновременно, словно соус со жгучим перцем. Это было ненормально в моем нынешнем положении, в моей ситуации, но настолько естественно... Проклятье! Слово вообще ничего более естественного и случиться не может.

Медведь подался вперед, сделал шаг, а затем вдруг очутился надо мной, навис, взгромоздился... Именно такие слова для него лучше всего подходили. Диван вдавился в местах, где он кулаками уперся по сторонам от моей головы.

Я перестала дышать, а он... он не дышал – он всасывал воздух, словно какой-то мощный компрессор.

Я замерла, и он тоже. Капельки воды срывались с его тела: теплые, внезапные. Тут-тук-тук... Стучали по моей коже. И, кажется, даже в таких местах, что впору было предположить – это уже не вода...

Медведь прикусил губу: до крови, до того что она каплей сорвалась вниз, прямо мне на лоб. Я вздрогнула, когда пара капель ударились о кожу. Он как-то двинулся вверх-вниз. И еще раз. Слово сама природа толкала его совершать определенные действия. Но медведь противился ей. Насколько у него получалось.

Твердое, горячее, влажное коснулось моего живота, и незнакомец захлебнулся, будто тонул на суше. Резко выгнул спину, чтобы наш контакт прервался. Принялся дышать и слизывать.

От него очень сильно пахло мужчиной. Но, как ни удивительно, терпкий, пряный запах не отталкивал, напротив, он лишь еще сильнее меня волновал. До удушливой волны жара, которая вдруг поднималась по телу и окатывала с головы до ног. Впитывалась в каждую пору, заставляя дрожать от нетерпения перед чем-то... запретным, но таким желанным и почему-то вдруг правильным... Впрочем, запах медведя сильно отличался от любого другого, какой мне уже приходилось ощущать. Он был менее насыщенным и к нему добавлялась странная, непонятная нотка. Я бы сказала – лесной свежести, если бы подобное было, в принципе, возможно...

Туалетная вода? Крем для бритья? Да нет! Эти запахи смешались бы с запахом пота и дали совсем другие оттенки. Не-ет! Это была часть естественного аромата медведя...

«Я ведь замужем! Неправильно все это!» – мысль пронеслась в голове молнией и меня почти отрезвило. Я сжалась, напряглась, поежилась. «Неправильно» – звенело в голове гонгом единственной трезвой и слитной мысли. Все остальные размазывались в какие-то совершенно неуместные сейчас, пьяно-сладкие образы. Они не имели ничего общего с «неправильно». Наоборот – толкали на то, чего мой рассудок так отчетливо советовал избегать. Я приоткрыла

рот, но слова вырвались не сразу. Будто цеплялись за что-то и не желали срываться с языка. Или я не хотела *этого* говорить.

– П-пожалуйста... не надо...

Мой собственный голос звучал словно издали и как-то странно. С песком, но одновременно очень высоко и мелодично. Журчал, я бы даже сказала, отдавал медом и призывом. Хотя мои слова говорили совсем об обратном.

Он был чужим, незнакомым мне. Мой собственный голос...

Медведь рыкнул, мотнул головой, отпрыгнул, словно поранившийся об острый металл зверь и метнулся к лестнице.

Я так и осталась лежать, не понимая – где я и что происходит. На какой я вообще оказалась планете. Внутри колотилось, тепло разливалось по телу и каждую клетку охватывала странная незнакомая дрожь.

Боже! Вот это притяжение... Неужели так бывает?

Незнакомца несколько минут не было. Я успела немного очухаться, прийти в себя и даже присесть на диване.

Вернулся медведь уже одетым. В свободные синие спортивные брюки и футболку.

Мне тоже бросил одежду и двинулся к холодильнику.

– Мне кто-то что-то здесь объяснит? – уточнила я тихо. – Или я схожу с ума? Или все это сон?

– Это не сон! – через плечо пробасил незнакомец, вытаскивая упаковку яиц и сливочное масло.

– Сейчас, я сварганю яичницу и поговорим. Только давай без фокусов! Хорошо?

– Возможно...

Я оделась в футболку и спортивные брючки, с удивлением обнаружив, что они в пору! Меня снабдили даже самой женской частью гардероба – спортивным лифом, вполне подходящим по размеру. Казалось – медведь готовился к тому, что я очнусь и мне потребуется что-то помимо пижамы. Ну хотя бы на первое время.

Одежда была розового цвета – «девчачьего», как некоторые выражаются. Я устроилась по-турецки на диване и окликнула хозяина дома:

– Но вначале скажите. Вы похитили меня?

– Нет. Когда все поймешь и разберешься, сможешь уйти, как только захочешь.

– В-все поймешь... Про нас?

– Нет. Про себя и то, чем ты являешься.

– Я?

– Да. Ты разве не заметила, что менялась, что летала? Что я ловил тебя уже в небе?

– Дда...

– Вот именно об этом и речь...

– То есть вы объясните мне, что происходит и что случилось... а потом отпустите? Так?

Он немного помолчал, помедлил...

Движения стали какими-то рваными, резкими. Будто он не дверцу холодильника захлопывал, а кому-то со всей дури бил по морде. Не миску для яиц доставал из сушилки, а вырывал у него из рук собственное имущество. Словно не яйца разбивал, а головы врагов раскалывал в смертельном бою... Не масло отрезал, а шинковал заклятого противника. Не яйца взбивал в миске, а сражался.

Верзила рывком приблизился к плите. Включил огонь, со звоном поставил на комфорку сковороду, бросил туда кусок масла и выплеснул пышную яичную пену.

Мда... Ему бы безе взбивать! До потолка лакомство поднялось бы.

– Вы не ответили! – напомнила я.

Незнакомец полоснул по мне странным взглядом – словно я сделала ему очень неприятно или даже больно... хотя подобное невозможно – мы едва знакомы и даже не близкие друг другу люди...

Медведь промолчал, сверля меня тяжелым, пронзительным взглядом.

Когда яичница зашипела на сковородке, мотнул головой и выдохнул:

– Я не собираюсь силой тебя удерживать. Если именно это крылось за твоим вопросом.

Я ответил?

– Наверное...

– Ну вот и хорошо.

Он прикусил губу и принялся остервенело шинковать зелень, а затем посыпать наше блюдо вместе со специями...

Следом натер сыр и покрыл им яичницу. Запах стоял такой, что у меня заурчало в животе.

Незнакомец оглянулся и усмехнулся.

Дожарил, разрезал на куски и разложил по огромным белым тарелкам.

Налил нам крепкого чаю и жестом пригласил к столу.

– Иди, ешь. Тебе надо бы подкрепиться.

– Почему надо бы? – уточнила я, перебираясь с дивана на кресло возле огромного обеденного стола.

– Потому что ты провалялась неделю! – припечатал меня незнакомец.

Я слотнула, взяла вилку и решила поесть, а затем все-таки выяснить – что происходит.

По крайней мере, теперь я знала сколько прошло времени.

Уже что-то...

Хотя новость, прямо скажем, не то чтобы не обнадеживала – скорее уж ошарашивала окончательно.

Впрочем – передо мной сидел тот, кто, казалось, способен все четко и ясно объяснить.

И у меня не было выбора, кроме как положиться на его обещание и знания.

Глава 2

Трофим

После ночной операции Трофим проснулся только днем. Солнце щекотало веки и грело нос. А здоровые мужские инстинкты расцвели пышным цветом под одеялом.

Вербер усмехнулся. Когда он в последний раз был с женщиной?

Наверное, где-то с год назад, когда встречался с одной горяченькой пантерой из ОПО...

К организации по защите от оборотней большинство двусущих относились откровенно плохо. Потому что именно ОПО следило за тем, чтобы двусущие не показывали себя людям и доставляло немало проблем в спорных ситуациях, когда те рисковали себя выдать, но все же этого избежали.

У Трофима с ОПО были давние и куда более спокойные отношения. Рабочие даже. По крайней мере, теперь... Если не считать далекого прошлого... Трофим часто брал заказ на отлов оборотней, которые скрывались от ОПО или же внезапно обнаруживали у себя ген двусущих и начинали творить дичь. Иной раз оборотень встречался с человеческой женщиной и рождался вроде бы обычный ребенок. Потом пара расставалась и все шло нормально. А спустя какое-то время внезапно в ребенке пробуждалась вторая ипостась. Такие случаи имели место, хотя объяснить их не мог никто. Ведь вторая ипостась проявлялась либо сразу после рождения, либо в подростковом возрасте. Но никак не лет в двадцать девять, например. Когда человек вздумал жениться, пошел на охоту с будущим тестем и... хрюсть обратился, когда на него пошел разъяренный кабанчик. Трофим еще помнил тот эпичный случай. А кабанчик, наверное, внукам расскажет... Если не умрет от инфаркта. Бедная зверюга бежала куда глаза глядят еще несколько дней, если верить данным Трофима.

Но самой большой головной болью ОПО было пробуждение нэнги...

Нэнги – редкий вид аурных оборотней, которые не превращались в зверей полностью, а словно бы окружали себя силуэтом призрачного дракона. Внутри отчетливо просматривалась человеческая фигура. Получалась эдакая матрешка из двух ипостасей. Они могли летать и тем самым доставляли еще больше проблем. Их стало очень мало, но порой спящие гены нэнги пробуждались в, казалось бы, самых обычных людях...

Вот почему всех людей с генами нэнги старались отыскать и держать на контроле.

И вот почему Трофим ловил каждого из них, если неожиданно просыпалась вторая ипостась.

Вербер потянулся, откинул одеяло с обнаженного тела и отправился в душ. Включил воду и принялся расслабляться, как и положено здоровому мужику, если в его постели давно не было женщины. Но... внезапно зазвонил сотовый. Технологии оборотней здорово превосходили человеческие. Мобильник крепился на ухе Трофима, как серьга и он мог общаться даже телепатически благодаря особенному импланту в голове. Люди о подобном только книги писали и снимали фантастические сериалы.

Но у оборотней были свои стимулы и резоны: не попадаться на глаза человечеству, скрывать свое существование... И ради этого двусущие давно превзошли людей в плане научно-технических достижений.

– Есть срочное дело! – с места в карьер начал руководитель местного подразделения ОПО – Харем Фокин. Редкий вид рыжей верпантеры.

– Ты совесть поимей! В хозяйстве пригодится! – рявкнул на него Трофим. – Я только ночью с вашего дела вернулся!

– Все понимаю! Но нарушительница рядом с тобой! В соседнем человеческом поселке! Других туда посылать... пока доберутся. Ну, Тим! Ты ближе всего! Тебе тут два шага!

– Не-ет! Ко мне ближе ты! В печенках засел! – рыкнул вербер. – Дай угадаю! Нэнги? Женщина? Я ведь прав? Да?

– Да! Мы давно за ней наблюдаем. Пробуждается вторая ипостась. Еще немного и...

– Как мне ее выследить?

– Я сброшу тебе на мобильник слепок ее ауры. По нему найдешь быстро при помощи нашей новой программы... Раз, два – и дело в шляпе!

– Вот ваша программа и ехала бы искать... Раз она такая умная и продвинутая. Требую тройную оплату за срочность!

– Лады!

– Куда доставить?

– По обстоятельствам. Если застукаешь за полным нарушением правил – напрямик к нам. Если нет – просто поймай и просвети.

– Это как?

– Ну привези к себе, расскажи, что да как. А мы пришлем тренера. Постараемся как можно быстрее.

– Это мне еще нянькой с ней возиться?! Может мне еще уборщиком где-нибудь устроиться для подработки? И психологом, на всякий пожарный случай. Ты представляешь хотя бы как реагирует обычный человек, когда ему говорят, что он оборотень? Реакцию вообще можешь вообразить? Почему я должен это все разгребать? И почему меня должны называть сумасшедшим? У меня, что, на лбу написано: «козел отпущения»?

– Тим... Я заплачу вдвое. Мы заберем ее через час-два как сигнализируешь!

– Ладно... Шут с тобой! Прибью табличку над домом «Отель для перерождающихся...» И люди не поймут и такие как эти все нэнги, что еще мнят себя человечками, сразу увидят – я больной и справка имеется!

Трофим быстро собрался. Накинул первое, что под руку подвернулось, запрыгнул в машину и включил поисковую программу оборотней. Она как человеческий навигатор поясняла: направо, налево, прямо... Объект движется, дистанция сокращается...

Джип вербера легко прорывался сквозь нечищенные дороги человеческого поселка. Местами веерами вокруг колес раскрывались водяные фонтаны.

Ну да... Люди такие люди... Не все, разумеется, но многие.

За свое глотку перегрызут, а общее – оно же ничейное. Если срочно надо – позаботятся, а так – гори оно... В этом вся человеческая суть...

Впрочем. Задание ведь простое. Женщина. Судя по всему, движется медленно. Если верить параметрам ауры и данным с нано сканеров ОПО – больна и, значит, вряд ли окажет сопротивление.

Трофиму, по факту, и делать-то нечего.

Сгребет, закует в магнитные наручники, привезет к себе и все объяснит. Выслушает куда ему обратиться со своей лекцией, в какую конкретно дурку города. А потом сдаст с рук на руки ОПО. И пусть те уже сами валандаются. Вроде бы куда уж проще!

Делов на пару часов, а потом – отдыхать и еще раз отдыхать.

Вербер притормозил, когда до нэнги оставалось метров сто и пошел уже пешим, дабы не спугнуть «добычу».

Незнакомку Трофим настиг легко и быстро. Она брела, словно сама не понимая куда, не разбирая дороги, пошатываясь. И почему-то у вербера впервые в его жизни сжалось сердце и бухнуло так, будто ребра пытались сломать в труху.

Все звуки вокруг внезапно практически исчезли.

Задиристый, с вызовом лай какой-то молодой дворовой собаки, что еще не знает кто такие двусущие. Встревоженная птичья перекличка. Сухой хруст обледеневшего снега

под ногами, похожий на хруст ломающихся веток. Легкое, щекочущее по коже шуршание: куропатки пробираются к кустам, чтобы сорвать последние ягоды.

Гул лопастей вертолета в дальней части города...

Вся эта привычная какофония окружающего мира вдруг стала фоновой, едва воспринималась...

Трофим легко сокращал дистанцию. А женщина вдруг пошатнулась, чуть дернулась и опрокинулась на спину. Вербер сам не понял, как очутился рядом – его будто нечто сверхъестественное сорвало с места и толкнуло за ней.

Трофим подхватил на руки хрупкую фигурку, даже не понимая – видит ли она его и прижал к себе. Сердце бухало и екало. Горячий воздух с шумом вырывался из легких, и мощными клубами пара рассыпался возле лица... Грел прямо как в бане – настолько все внутри вербера буквально плавилось от нахлынувшего коктейля эмоций.

В груди словно что-то вдруг расцвело, когда он разместил «добычу» на заднем сидении и на минуту пристроился рядом. Сиротски, на край, словно это и не его машина... Будто боялся потревожить нэнги слишком уж навязчивой близостью тел.

Смотрел... почему-то жадно смотрел, не отрываясь, не в силах прекратить, сбросить странный, непонятный дурман, что все больше подчинял себе: волю, желания, мысли. А главное, что и действия!

Мягкие, тонкие черты. Белая кожа нэнги, глянцево-красивая, изысканная. Узкие запястья, изящные кисти, как с картины какого-нибудь средневекового художника про дам высшего света. Но те-то искусственно-рафинированные, и по большей части – заслуга художника, что пытался угодить оригиналу. А эти... эти были настоящие и совершенство оказалось их вполне реальным. Маленькие, но чувственные губы, чуть приоткрытые в беспамятстве... Выбившийся из-под шапки балаклавы локон. Янтарно-рыжий и розоватый. Подкрашенный. Ладное сильное тело Трофим разглядел даже под пуховичком... Длинные, стройные ножки... Такими любая похвастаться не прочь, выставив их на витрине мини-юбки.

Трофим инстинктивно провел рукой по нежной коже и аж вздрогнул. Показалось – в него выстрелили. Внутри все перевернулось, даже не так – вывернулось наизнанку.

Вдруг стало хорошо и плохо одновременно. Захотелось рассмеяться и разозлиться...

Как будто увернулся от неизбежного, крошащего все кости удара и... получил под дых со всей дури...

И хочется дышать, втягивать воздух и... дыхание сперло, вдоха не сделать...

Ну да, самое время подвисать, когда его паре требуется экстренная помощь...

Растекся тут розовой лужицей, слюни пускает. Кому расскажи – обхохочут.

Давай уже, увалень медвежий, не мешкай! Взбодрил сам себя Трофим. И дальше действовал быстро и четко.

Связался с Харемом.

– Я нашел ее и забрал. Рем... Пока нам не нужен тренер. Она больна, я ее выхожу...

По связи буквально пронеслось удивление. Харем ненадолго аж дар речи утратил.

А затем тихо уточнил:

– Ты сам будешь ее лечить?

– Врача вызову. Знаю тут нашего неподалеку.

– У себя дома?

– Ну да.

– Не хочешь сдать ее к нашим? Я так понимаю – она ничего пока не нарушила. Так что обеспечим лучший уход, не сомневайся...

– Чтобы ее ни за что сунули в запертую комнату, а только потом лечили и обучали?

– Да.

– Нет.

– Тогда я сброшу тебе все ее данные... И очень тебе советую с ними ознакомиться. Внимательно, Тим! Слышишь? Очень внимательно!

Что-то такое прозвучало в голосе Рема... Предупреждающее, с намеком. Как перед важной операцией с отловом оборотня, что способен серьезно навредить «охотнику». Именно таким был в подобных случаях голос Фокина...

Но Трофиму сейчас было совсем не до этого. Он ответил то, что хотели услышать на том конце связи:

– Хорошо.

– Точно не забудешь прочесть мои файлы? Не забудешь на них? Трофим?

– Да не забуду, успокойся! Уже поставил себе зарубку.

– Поверь, это куда важнее для тебя, чем для меня.

– Да понял я, понял уже, – словесно отмахнулся Трофим, а сам решил позже ознакомиться с прошлым и настоящим незнакомки.

Сейчас были дела куда более важные и срочные, чтобы зарываться носом в бумажки. Даже если они и виртуальные. Требовалось спешно задействовать механизм регенерации нэнги, иначе – пневмония и тяжелое лечение. А этого очень не хотелось бы. Поэтому было крайне важно вызвать вторую ипостась. Если получится – несколько дней – и драконица будет совершенно здорова без лекарств и проблем.

Сердце стучало в ушах Трофима метрономом, словно отсчитывало мгновения, которые нельзя потерять. Тук-тук-тук... Тук-тук-тук...

Трофим включил максимальную скорость и на драйве, на кураже понесся домой, на ходу связавшись с другом и врачом из больницы для оборотней.

Пока тот еще не приехал, вербер занес незнакомку в дом, перенес в спальню на втором этаже, раздел и уложил под пуховое одеяло.

Бедняжку всю трясло мелкой дрожью. Лоб и тело – кипятком, руки и ноги – как лед. Дыхание со свистом, тяжелое, пульс еле прощупывается...

У вербера сердце сжималось от того, в каком ужасном она была состоянии – каменело, екало в груди.

Трофим знал – нужно жаропонижающее. Но как его влить в рот, если нэнги без сознания? Она так и не приходила в себя. К тому же, сейчас в ней боролась за жизнь вторая ипостась и человеческие лекарства могли вмешаться в процесс.

Зверь любого двусущего понимал – человек всему голова. А все эти препараты обращались именно к человеческой ипостаси, могли закрепить ее, не позволив животной половинке выбраться на свободу. А этого сейчас допускать никак нельзя! Наоборот, необходимо срочно, без промедления вытащить зверя!

У него сейчас ключ от выздоровления! Он способен махом регенерировать больное тело, уничтожить инфекцию, только бы пробудился окончательно!

Поэтому вербер не нашел ничего лучше, чем лечь рядом с нэнги, растирать ледяные ладони и стопы. Он давно уже так ни о ком не заботился. Но сейчас, здесь это было также естественно, как дышать или ходить. И стало такой же острой, почти болезненной потребностью, как есть после нескольких дней голода или жадно глотать влагу после того как не пил столько же времени.

– Ну давай же, девочка! Давай! – приговаривал он в каком-то угаре... – Ты сможешь, драконица! Борись! Не смей сдаваться!

Матвей приехал быстро. Сам вошел в дом – Трофим услышал, как скрипнула дверь, а кроме старого друга ни у кого другого ключей от коттеджа не было. Вскоре уже и сам волк поднялся к больной.

Трофим окинул взглядом давнего друга.

Чуть заматерел, сразу видно. Поджарый, сильный, коротко стриженный. На висках немного седины, и она контрастирует с молодым лицом оборотня, который, даже разменяв пятый десяток, выглядит едва ли на тридцать с хвостиком.

Острые скулы и нос, поджатые губы, две морщинки между бровями. Всегда, когда Матвей приезжает к сложным пациентам. И эта... сложная... Кто б сомневался...

Старый друг жестом указал Трофиму на кресло возле стены. Вербер послушно сел. Врач принялся тщательно исследовать пациентку.

Из его чемоданчика начали появляться привычные инструменты: банальные человеческие и новые технологии оборотней. Пульсоксиметр, фанендоскоп, танометр, градусник... Всякие сканеры на аккумуляторах.

Осматривал Матвей долго, детально. Некоторые тесты проводил дважды и трижды.

Трофим не усидел и пяти минут – принялся метаться по комнате как зверь в клетке. Друг заметил, оглянулся и продолжил работу.

Сердце отплясывало в груди Трофима дикий танец, руки и ноги похолодели, словно он сам подхватил лихорадку. Мышцы звенели от напряжения, от желания действовать. Делать, что-то надо делать, чтобы ей стало лучше...

Пациентка металась на постели в испарине... Дышала с хрипами...

Матвей присел на краешек матраса и принялся сводить данные воедино в своем мини-компьютере, размером с обычный человеческий мобильник.

– Ну что там? – не выдержал Трофим. – Ты долго будешь молчать?

Старый друг поднял на него глаза.

– Ну тут либо больница, потому что у нее пневмония. Хорошая такая, в самом расцвете...

Либо...

– Я знал, что есть «либо». И даже догадывался какое. Я ведь правильно понимаю – у нее перерождение? И, значит, если нэнги выберется на волю, она исцелит человеческое тело и без больницы?

– Правильно понимаешь. Но надо дать нэнги вырваться на свободу. Вторая ипостась дремала много лет. И сейчас едва-едва пробуждается. Нужен толчок...

– Какой?

– Вариантов много. Самый удачный – кровь оборотня. Но сам знаешь – только кровь нэнги можно переливать всем видам и даже не зависимо от группы...

– Где ее найти?

– У меня в больнице есть немного. Но лучше бы тебе напрямую обратиться к драконьей общине...

– Я бы рад. Но пока они решают, пока думают. Время уйдет.

– Да, это правда...

Матвей почесал затылок.

– Кровь у нее не редкая, так-то. Первая положительная...

– И?

– Мы можем попробовать влить ей кровь и плазму нэнги... Часто это работает. Включается генная память...

– Давай!

– Давай... Погоди. Сейчас закажу...

Матвей принялся названивать «своим». Торопил, даже пошел на нажим.

– Давайте без споров. Везите и все. Это близко. За последствия я отвечаю...

– Да! Я обещаю, что добуду новую партию!

– Да, знаю, кровь редкая! Делайте! Я сказал!

– С последствиями я разберусь! Время! Мы время теряем!

После недолгого препирательства с главой лаборатории и недолгого ожидания, медсестры и врачи завозились вокруг пациентки. Появились капельницы, мешочки с кровью.

Трофим продолжал метаться по комнате сам не свой. Пока друг дирижировал переливанием.

– Когда мы пойдем – есть ли результат? Ведь если не сработает, придется лечить как человека! А пневмония штука серьезная! И тут тоже важно не упустить время!

– Все знаю! – кивнул Матвей. – Все рассчитал. Ждем четыре часа. Если не сработает, везу ее к нам в больницу и там уже будем откачивать. А пока пошли попьем чаю.

– Чаю? – вскрикнул Трофим. – Ты шутишь?

– Нет. Тут мои лучшие сотрудницы. Они проследят за пациенткой и переливанием. Ты ничем ей тут не поможешь.

– Я не хочу! – рыкнул Трофим.

– Тим! – еще громче рявкнул на него Матвей. – Приведи себя в чувство! Я понял – она твоя пара...

– Это так очевидно? – выдохнул вербер.

– А то! Ты о незнакомке печешься словно о родной матери! Сдал бы ОПО – и все дела. У них и врачи есть, и тренеры. А ты меня вызвал. Небось еще и у ОПО ее отпросил. Так?

– Да...

– Ну вот. Но просто поверь на слово – нервные близкие еще никогда не помогали пациенту поправиться. Уж я-то знаю! Можешь не сомневаться. Поэтому пусть девушки займутся своим делом, а мы с тобой поболтаем... Хорошо?

Трофим еще сомневался, смотрел на бледное лицо нэнги, на испарину на ее лбу и висках, на вздрагивающее тело... Прислушивался к ее надсадным рваным вдохам. Все инстинкты взвели словно курки пистолетов перед решающим выстрелом. Он так хотел беречь ее, помогать, утешать... Согреть...

– Пошли! – настойчиво повторил старый друг.

Трофим отмахнулся и двинулся за Матвеем.

Пятки стучали по ступенькам лестницы, ноги были деревянные, в голове царил полная сумятица. Сердце выпрыгивало из груди. Вербер скорее упал на стул в гостиной, пока друг начал заваривать свой фирменный травяной чай. Специально, видимо, захватил. Догадался о чем-то.

Ну правильно! С какой стати медведь одиночка стал бы так переживать о некоей нэнги, чтобы срывать старого друга из больницы, просить и уговаривать побыстрее приехать.

Трофим и сам догадался бы. Ничего сложно тут не было. Не бином Ньютона уж точно!

Матвей привычным жестом достал из кухонного шкафчика чашки, ложки, блюда. Налил чаю себе и Трофиму, поставил на стол.

– Задание ОПО? – уточнил сходу.

Трофим кивнул.

– Так очевидно?

– Ну, знаешь... – старый друг усмехнулся. – Ты серьезно считаешь, что я поверю, будто ты колесишь по поселкам и подбираешь женщин в беде? Нет, ты у нас парень хороший, добрый, отзывчивый. Но не до такой же степени...

– Да. ОПО подняли на дело. К ней. Из-за пробуждения второй ипостаси.

– Что ты о ней знаешь?

– Мне Рем прислал досье, но я еще не читал!

– А вот и зря! Может у нее муж, детишки. А ты тут губу раскатал.

Слова резанули по живому. Трофим поморщился – он и сам иной раз об этом думал. Но выхода не было, она – пара и ничего уже тут не поделаешь.

– Я должен ее вылечить и помочь. А там... там разберемся, – упрямо произнес он.

– Понимаю, – вздохнул Матвей. – Ладно. Будем надеяться наш трюк сработает.

– А какие шансы?

– Ну ты даешь! Какие шансы. Какие шансы... Откуда ж я знаю. Знаю, что так делают. Иногда. В редких случаях. Но вся статистика в руках ОПО. Вот у своего Рема и допытывайся.

Трофим аж дернулся от осознания этих слов. Они ввинтились в мозг одной мыслью: *она может не поправиться...*

Чашка чая под рукой вербера пошатнулась, и он машинально поправил ее. Несколько светло-желтых капель выплеснулись на белую столешницу, расплозились по ней кляксами.

Трофим рубанул рукой по воздуху и встал из-за стола. Метнулся в угол, вернулся, снова метнулся в другой угол.

– Спроси у помощниц как она! – рыкнул Матвею.

– Да рано же еще! Сам знаешь! Мы едва начали лечение!

– Спроси! – рявкнул Трофим, подскочив к другу. – Спроси! Я знаю у тебя есть с ними телепатическая связь!

– Ла-адно! – отмахнулся Матвей. С минуту словно завис, молчал и смотрел в одну точку. Затем повернулся к старому другу.

– Ну ей не хуже, это уже хорошо. Температура не растет, даже чуть спала, но о положительной динамике говорить пока еще очень рано...

– Рано? – вспыхнул Трофим. – А если не сработает? Если... Если...

Дальше слова прилипли к языку и высказывать из глотки никак не желали. Да и сам Трофим проглотил их, во избежание. Мало ли... Какие-то высшие силы услышат...

Сам себе усмехнулся, мотнул головой. Да мать... же... С каких пор он верит в высшие силы и боится сказать лишнее?

С недавних пор. С недавних.

Матвей дождался пока старый друг закончит рефлексировать и произнес:

– Ей было бы хуже! Без антибиотика, без жаропонижающих, без противовоспалительных... Раз ей не хуже, значит процесс пошел. Успокойся. Постарайся обуздать нервы. Ты нужен тут сильный и целеустремленный.

– Ты уверен?

Трофим вперился в Матвея немигающим взглядом.

Старый друг вздохнул.

– Ты прекрасно знаешь, что в случае лечения никто тебе точных прогнозов не даст. Как и в больнице при человеческой терапии. Жди. Раз ей не хуже – время у нас есть.

Трофим зарычал, долбанул кулаком по стене, еще раз и еще и вошел в раж. Кулаки дубасили по краске. Кровавые разводы ползли по голубому фону.

Ни боли, ни страха перед травмами не было. Будто инстинкт самосохранения выключится, уступив место другому, куда более важному и куда более значимому для оборотня. Все. Трофим сам стал этим инстинктом.

Вот почему он продолжал осатанело бить в стену.

Пока Матвей железной рукой не удержал за плечо.

– Ты ничем ей не поможешь. Жди! – почти приказал он.

Трофим крутанулся, воззрился на волка зверем, реально – зверем. Лицо Матвея тоже слегка изменилось – стало более хищным – его волк отвечал медведю старого друга на понятном обоим языке. Мол, не балуй, мы тут тоже не лыком шиты...

Какие-то мгновения они так и стояли, смотрели, не моргали, почти скалились. Потом Трофим немного успокоился.

Ну вот чего завелся? Смысл?

Стену испачкал. То-то домохозяйка удивится!

Посмотрел на свои руки – костяшки сбиты в кровь. Регенерируют быстро. Но, что интересно, боли он до сих пор так и не чувствовал!

– Адреналин! – кивнул Матвей, словно понял – о чем речь. – Все. Хватит беситься. Сядь и жди. Ты мужик или нет?! Прояви мужественность! Не истери как баба!

– Я привык действовать, – хрипло произнес Трофим, возвращаясь на место. – И я еще помню, как... Славка...

Матвей положил руку на плечо друга.

– Она – не твоя сестра, Тим. И она не человек. Твоя сестра была человеком. Не забывай об этом. Она росла в племени оборотней, имела немного нашей крови. Но она была человеком, без второй ипостаси...

Трофим схватился за голову и прикрыл глаза. И словно старый фильм перед внутренним взором полетели кадры... Вербер аж волосы натянул руками так, что несколько прядей вырвал с корнями...

* * *

Все вернулось, словно прошлое засосало Трофима в черную дыру безнадёги...

Воспоминания приходили частями. Яркими вспышками, между которыми разлилась душливая тьма истошного отчаяния... Предчувствия худшего... Ощущения... «все пропало». Такого отчетливо впечатанного в сознание красного флага «ничего не изменишь».

...Влажная весенняя трасса с льдистыми осколками и потеками темного старого снега. Расквашенного до бесформенных кучек.

Щебень разметало по дороге словно комки грязи... Откуда он здесь?! Как он тут оказался этот немой виновник несчастья?!

Машина, перевернутая возле кювета, похожая на испорченную детскую игрушку. Черные кружева крон деревьев, чуть подернутые первой зеленью, на фоне серого неба... Карканье ворон... Такое предрешающее... мерзкое... хриплое...

Скорая. Мигалки. Мигалки. Мигалки. Полиция... МЧС...

Люди и оборотни в форме. Их много, они повсюду...

Трофим бросается к машине, хочет вытащить сестру, но врачи скорой и парни из МЧС останавливают.

– Стой! Парень, стой! – тормозят его у самой цели. – Ее нельзя сейчас трогать... Мы сами... Сами... Тебе нельзя... Будет лишь хуже...

Изломанное человеческое тело выглядит страшно, очень странно для оборотня. Она словно кукла, с которой играл брат владелицы и нарочно повредил все, что только мог, потому что сестренка случайно наступила на его самолетик...

Трофиму бы отвернуться. Но он смотрит... Смотрит... Смотрит...

* * *

Полицейский из ОПО отводит Трофима в сторону. Мать и отчим поехали в больницу вместе со Славой...

Трофим тут один за всех... И не уйти. Не сбежать к сестре, которая сейчас борется за жизнь. Он должен ответить. Обязан властям оборотней.

И Трофим отвечает. Кусая в кровь губы, мыслями находясь там, в приемном покое...

– Она ваша неродная сестра? Удочеренная?

– Родная...

– Но ведь она человек...

– Отец погиб на одном из заданий ПОН... Мне тогда едва исполнилось шесть лет. Мать какое-то время горевала, но затем нашла себе нэнги из сослуживцев погибшего папы... Он, видимо, давно сох по ней, но не пытался вмешаться в чужую семью. Потом, как водится, потихоньку стал помогать... поддерживать. Потом они поженились. Слава – их дочь. Да. Она человек...

Фраза почему-то звучит из уст Трофима как приговор. Он вздрагивает от этого ощущения... Да, она человек...

– Да, такое бывает, если оба оборотня не доминантные... Ни одни гены не берут верх и рождается человек с небольшими зачатками оборотня. Чуть лучше регенерирует, меньше болеет, немного сильнее обычного смертного...

– Я могу уже ехать к родным? – вскрикивает Трофим. Эмоции рвут на части и сил держаться спокойно не достает.

С минуту верпантера из ОПО смотрит, медлит, думает...

Затем дает отмашку – и словами и жестом:

– Езжайте.

* * *

...Больница...

Отточенная суета врачей и медсестер. Каждый на своем месте, но неизменно спешит. Потому что это отделение хирургии... Здесь каждая минута дорога, каждая секунда промедления может быть оплачена жизнью...

Удушливые запахи дезинфекторов, лекарств... Искусственные, такие неприятные обонятно, который привык к ароматам леса, земли, зелени... Но они хоть как-то перебивают запахи человеческой боли... Крови, плоти и... боли...

Оборотни чувствуют их как запахи гормонов, что выделяются в подобные минуты. И от них внутри что-то перекручивается, свербит, саднит. Слово организм напоминает двусущим, что они, пусть и наполовину, но тоже люди...

Возле окон запахи перепрелой земли в цветочных горшках и слабые ароматы пыльцы смешиваются со сквозняком с улицы. Он приносит небольшое, но облегчение – тонкую струйку прохладного, свежего воздуха, что пахнет наступающим теплом и солнцем...

Тенк-тенк-тенк... Звучит аппаратура...

Звяк-звяк-звяк... Звучат в коридоре каталки...

Шуришат и сливаются короткие разговоры...

Зигзаги кардиограммы на мониторе красной линией жизни отмеряют часы...

Цифры, графики что-то показывают медикам.

Человеческие врачи. Такие непривычные Трофиму. Но именно на них вся надежда. Медики оборотни в один голос твердили, что Слава не выживет, нет смысла оперировать и мучить ее. Пусть уж уйдет спокойно, под обезболивающими.

А вот человеческие врачи все-таки взялись за скальпели. Сказали, что еще поборются.

Мать сжалась на диванчике в коридоре, отчим ее обнимает и успокаивает.

Трофим не может. Нет у него сейчас правильных слов, нет веры в лучшее... Внутри почему-то растет пустота и ощущение обреченности. И он нарочно унес все это подальше, к окну, чтобы не травмировать близких...

...Хирург с усталым, чуть осунувшимся лицом и щеками, изрезанными продольными морщинками, выходит из операционной...

– Вы ее вылечите? – срывается с губ Трофима вопрос.

Мать подскакивает и вместе с отчимом подлетает тоже.

– Пока сложно давать прогнозы... У вашей сестры сочетанная травма... Плюс нелеченая язва... Мы сделали что могли. Операция длилась десять часов...

Десять... часов... Трофим даже не понял, что прошло **столько времени**...

– Соче... – заикается мать.

– Очень много существенных повреждений. Много. И затронуты жизненно-важные органы, крупные артерии, позвоночник... Плюс из-за язвы открылось внутреннее кровотечение. Удар пришелся животом на руль. Почему она не лечилась? Я давно не видел такой запущенной стадии...

– Язвы?

– Вы не знали?

– Н-нет... Она жаловалась на живот. Но мы думали – само пройдет...

Проклятье!

Вечная проблема, когда оборотни живут с людьми. Двусущие не понимают насколько хрупок человеческий организм и как важно к нему прислушиваться. У них все не так. Будь Слава оборотнем, язва сама зажила бы без малейших последствий...

– Теперь только ждать. Она молодая, должна побороться... Пока полежит в реанимации, станет лучше – переведем в палату... – продолжает хирург.

Виталий Тихонович. Так написано у него на бейджике. Кандидат медицинских наук.

– Можно ее увидеть? – тихо просит мать.

– Она пока в реанимации. Туда нельзя. Станет лучше, переведем в отделение – вот тогда и увидите...

Станет лучше... Слова свербят в голове Трофима как нечто чужеродное и странное. Станет ли?

* * *

Следующая картина заставила Трофима попытаться проглотить ком в горле. Но, он колючая зараза, саднил, мешал, но не сглатывался...

...Мать бросается на гроб. Плачет. Захлебывается. Ее буквально трясет.

Серое небо осыпает медведицу мелкой моросью.

Отчим пытается ее утешить. Но тоже весь никакой. Глаза красные, губы дрожат... Единственный ребенок, что уж тут скажешь...

А у Трофима ступор. Смотрит и не верит. Смотрит и не верит.

Неужели ее больше нет?

Неужели больше она не вбежит в дом и не крикнет: «Фимка! Догоняй!»? Не сорвется с места, чтобы он бросится за ней? Не начнет тормошить его утром: «Ну пошли за грибами! Давай!» Не завизжит от радости, выиграв в карты в семейном поединке.

Ничего этого больше не будет...

Ни-ког-да...

И Славы нет... Нигде на этой планете... Больше нет Славы.

Вот почему Трофим и уехал от родителей, стал жить один.

Он больше не мог выносить то, как мать смотрела на него иной раз. Словно в ее голове прокручивались воспоминания о Славке... Каждый раз. Каждый день.

Об их совместных играх, пикниках, поездках. О том, как вся семья собиралась за большим столом в выходные...

Еще сложнее было терпеть, как отчим косился порой. Мол, где же ты, дочурка... Где ты...

Нет, он любил Трофима, ни разу не обидел: ни словом, ни делом, ни взглядом. Он научил юного вербера охотиться зверем и рыбачить по-человечески... Играл с ним в футбол, водил в школу...

Но есть вещи, которые чувствуешь помимо воли. Причем, даже помимо воли виновников этих ощущений...

Родителям вербер помогал, но виделись редко...

Его прозвали медведь одиночка.

Трофим был уверен – не найдет он свою пару! Зачем? Зачем нужна эта нервотрепка? Когда трясешься, каждый день боишься потерять? Когда сладость общения омрачается горьким страхом утраты? Каждый день, каждую минуту!

Обнимаешь и в глазах слезы. А вдруг... Что, если...

А перед внутренним взором все та же *трасса, щебень, помятая машина*... Нет! Только не это! Лучше уж одному!

А если пара, не дай бог, человек? И такое ведь тоже случается. Крайне редко, но, тем не менее, подобный вариант вовсе не исключен.

На такие случаи даже есть особенные инструкции ОПО.

Рем говорил: мол, если пара – можно посвятить в тайну оборотней.

Не-ет! Не надо Трофиму подобного счастья... Чур его! Чур!

Но счастье или несчастье не спрашивает – находит и вторгается в жизнь...

Вроде вот этой нэнги... на постели Трофима...

* * *

– Тим! Прекрати! – Матвей потрянул вербера железной рукой. Даром, что волк. Силищи ему было не занимать. И не удивительно! В роду Матвея были медведи, вот почему они и сошлись с Трофимом. Волк приезжал к родственникам в поселение верберов. Там и познакомились. – Не давай себе раскваситься! Если хочешь ее вытащить, нужна холодная голова! Давай! Не смей расквасить!

Трофим встряхнулся, сфокусировался на старом друге.

В груди словно кошки раздирали плоть. Сердце металось в клетке из ребер как добыча от хищника.

– Чего? – уточнил Трофим, пытаясь привести себя в норму. Ну пусть не в норму – хотя бы немного уйти от той безнадёги, что накрыла вместе с воспоминаниями, поразила какой-то жгучей, все выедающей изнутри пустотой.

– Значит так. Пока мы ждем, давай-ка отвлечись на полезное.

– На что это?

– Я продиктую тебе подробные инструкции. Если все получится, она с неделю будет приходить в норму. Каждый день мои сотрудники станут приезжать и ставить капельницы. Физраствор, глюкозу, если понадобится – еще сыворотку. Но важен и уход. Я тебе сейчас все распишу, и ты должен будешь следовать моим инструкциям шаг за шагом. Нигде не ошибаться! Сможешь?

– Да!

Действовать – вот это было по плечу Трофиму. Отвлекало от страха перед тем, что нэнги... Переключало. Позволяло ощущать себя полезным, а не беспомощным куском мяса, который ждет решения фортуны.

Он запоминал наставления Матвея, намертво впечатывал в мозг, хотя старый друг расписывал все на бумаге. Тимофей мог воспроизвести каждое слово, каждую инструкцию по памяти.

– Я всегда на связи. Если вдруг что. Правильные параметры я тебе тоже написал. Вот тут, видишь?

– Угу.

– Так вот. Если что-то изменится за пределы этих данных сразу меня вызывай. Днем или ночью – неважно!

– Хорошо. Я буду следить за ней круглосуточно! Не сомневайся!

– Тогда я тебе подкину еще тоников. Ну сам знаешь, какие наши доблестные полицейские и ПОН используют на заданиях.

– Хорошо.

В другой раз Трофим отказался бы. Он и сам с усами. Сдюжит. Он не раз несколько суток не спал на задании. Но сейчас он готов был на любые перестраховки. На любые действия. На любые шаги. Даже наступить на горло собственной гордости альфа-оборотня. Даже совсем затоптать ее.

Лишь бы... Лишь бы... она очнулась и выздоровела.

Глава 3

Трофим

Неделя пронеслась для Трофима как один день. Ночами он дежурил возле постели нэнги, следил за дыханием, неотрывно проверял показатели. Днем немного кемарил, пока над пациенткой кружили неугомонные помощницы Матвея. Пока нэнги вывозили в соседние комнаты, чтобы сделать в «палате» влажную уборку и проветрить.

Дергал друга каждые несколько часов, если чудилось – нэнги побледнела, у нее слишком много испарины на лбу и висках, слегка изменился уровень кислорода в крови или еще что-то. Надо отдать должное – старый друг не упрекнул ни единым словом, ни разу не заговорил с раздраженной интонацией. Он знал, что такое пара для оборотня. Пара Матвея погибла, и он остался один на долгие двадцать лет.

Трофим едва улучал минуты, чтобы перекусить, принять душ и снова вернуться к дежурству. Иной раз обедал и ужинал прямо в импровизированной палате для нэнги.

Домработницу, что приходила три раза в неделю: готовила, убиралась, стирала, близко не подпускал к заветной комнате.

Каждая минута жизни Трофима была посвящена нэнги. Было тяжело, сложно, потому что каждую секунду он панически боялся потерять ее... Но было и хорошо... Она рядом, она дышит, ей вроде бы лучше. План Матвея сработал.

Старый друг раздобыл в общине нэнги еще крови драконов и пациентке ставили несколько дополнительных капельниц для переливания.

И все-таки почему-то Трофим ощущал, что еще никогда его существование не было настолько осмысленным, настолько цельным и правильным. Помогать ей, защищать ее, дышать ради нее... это казалось таким честным, таким настоящим...

Показатели улучшались день ото дня. Каждый раз, когда вербер замечал это, сердце подсакивало к горлу и хотелось прыгать, напевать какой-нибудь дурацкий мотив, обнять помощниц Матвея, что суетились вокруг пациентки. Ежедневно освежали ее обтираниями, делали какие-то массажи на дыхательные органы, ставили капельницы, меняли постель...

На шестой день Матвей приехал лично и это так напугало Трофима. Завидев старого друга в «палате» вместо привычного роя женщин в белых халатах, вербер аж подорвался с кресла.

– Ч-что? – вскрикнул он не своим голосом.

– Девушки сказали, что вчера твоей пациентке стало гораздо лучше, и она может со дня на день прийти в себя. Вот приехал лично проверить.

– Правда? – Трофим невольно подскочил к другу и потрянул того за плечо.

– Да тише ты, медведь! – усмехнулся Матвей. – Да, правда. Смысл мне тебя обманывать?

Ну ты вообще нормальный? А?

– Ненормальный! – рыкнул Трофим. – Ненормальный!

Матвей покачал головой, окинул всклокоченного друга взглядом и произнес:

– Ты бы себя в порядок привел. А то придет женщина в чувство, а тут такое чудо-юдо. Нечесаное, черте в чем. Опять шмякнется в бессознательность!

– Иди ты! – отмахнулся Трофим. В последнюю очередь его сейчас заботило как он выглядит.

Матвей неспешно исследовал пациентку. Пожалуй, даже дольше, чем в первый раз и Трофим опять мерил шагами комнату, хватался за все подряд, садился, вставал.

– Приседания и отжимания еще сделай! Или вон в пистолетик сложишься. Хоть энергию выплеснешь с пользой. А то взорвешься еще у меня на глазах! Собирай потом по кусочкам.

Шутка друга дала понять – все хорошо с пациенткой. Матвей юморил у постели больного в одном лишь случае – если тот шел на поправку. Уверенно и абсолютно.

От этой мысли Трофима слегка отпустило. Он выдохнул и вернулся на стул.

Матвей присел на кровать и резюмировал.

– Ну... что сказать? Больная вылечилась. С легкими все отлично. Сердце здоровое. Все хорошо.

– А почему она все еще не очнулась?

– Такое бывает, когда вторая ипостась пробуждается уже во взрослом возрасте. Обе половинки нэнги должны прийти в согласие, научиться сосуществовать как единое целое. Я думаю, она очнется уже завтра. В крайнем случае – послезавтра... Нет, все же завтра, мне кажется! Я поставлю ей капельницу, а завтра напишешь...

Трофим всю ночь не спал. Дремал возле постели пациентки, дергался и подскакивал на каждый шорох. Шелохнется ли ветка за окном, пролетит ли птица.

В конце концов, к утру его немного сморило.

Вербер проснулся и сразу метнулся к постели. Нэнги была в порядке. Температура в норме, дыхание, давление – все в рамках.

И она спала... Именно спала, чуть посапывая.

Трофим улыбнулся и отправился в душ, попытаться претворить в жизнь план Матвея. Но едва он начал мыться, прямо тут, в ванной, примыкающей к комнате, как чуткий слух оборотня уловил шевеление. Трофим пулей выскочил из душевой, на скорую руку вытерся и рванул к пациентке...

Она сидела на кровати и ошарашенно озиралась. Ну еще бы! Она ведь никогда не была у Трофима, до того, как уплыла в бессознательность. Она даже не представляла где очутилась!

Вербер тысячи раз представлял эту минуту. Вот нэнги очнется, потянется, словно кошечка после долгого сна. Он обнимет ее со всей силой чувств оборотня. А она прильнет, прижмется и окажется, что она ждала его всю свою жизнь...

Это были глупые розовые фантазии, достойные одинокой бабы, у которой на горизонте ни малейшего шанса на счастье и впереди лишь серые унылые будни трепотни с подобными себе на лавочке. Трофим прекрасно все это осознавал. Поэтому не удивился, когда нэнги попыталась сбежать. Самым страшным было то, что ОПО могли засечь ее и попытаться арестовать.

Только об этом он думал, когда ловил нэнги в снегу, скручивал, старался обездвигнуть, но при этом не причинить боли...

А вот когда занес ее в дом, освободил от мокрой одежды, чтобы опять не началось воспаление... Сам сбросил влажные тряпки...

Вот тут... его так накрыло... Именно – накрыло, иначе не скажешь.

Желание нестерпимым зудом охватило тело. Пах скрутило болезненным спазмом, мужской орган встал колом.

Ее запах... Такой сладковатый, немного пряный давал в голову почище лошадиной дозы крепкого алкоголя. Ее широко открытые глаза цвета зрелого янтаря затягивали, лишали рассудка. Ее тело... Такое глянцевого, без малейшей растительности... манило, заставляло забыть обо всем.

Его бы сейчас поезд переехал – Трофим не заметил бы.

Первобытный, четкий, мужской инстинкт взял верх над любыми цивилизованными привычками. Подчинил себе, подмял под себя... Смял самообладание в труху.

Он не спрашивал, как зовут пару. Сейчас ему это было без надобности. Он не представлялся. Какой в этом смысл? От того какое имя придумала ей мать или отец, нэнги не станет еще соблазнительней... еще более сладкой и манкой... Да и куда уж еще-то? Когда его сейчас разорвет от желания... От того, что он назовется, что-то изменится? Он мужчина, а она – женщина, которую он хочет до безумия... До того, что в паху ноет и связанные мысли напрочь улетучились.

До того, что встань сейчас между ними кто-то – убил бы. Не задумываясь и не страшась расплаты. Просто потому, что иначе ну никак... Совершенно невозможно иначе.

Нестерпимый, невозможный голод по этой женщине скрутил Трофима в кулак.

Она должна ему принадлежать! Это ощущение: взять ее, иначе никак, нет других вариантов, было таким непривычным и настолько естественным...

Казалось – ничто на свете не остановит Трофима...

Хоть война, хоть катастрофа, хоть крыша сейчас на голову рухнет, он ее возьмет – и точка!

Но вербер здорово ошибался.

Единственное, что могло его остановить – сама нэнги.

Ее поджатые в страхе губы, ее мольба, ее просьба... Видимо, связанная с ее прошлым, с ее досье, в котором Трофим так и не нашел минутки покопаться. Просто забыл об этом, заботясь о нэнги...

Ее просьба не отрезвила ни капли. Скорее просвистела как пуля у виска, когда крадешься за матерым преступником. Трофим сам не понял – откуда взялось это сравнение.

На несколько мгновений его будто вырубил. Был какой-то ступор, остекленение. Тело и инстинкты диктовали одно, но требовалось побороть их, отступить и отступить. Сейчас, когда они были так близко и даже самая интимная часть вербера, готовая ко всему, более чем, уже коснулась живота нэнги...

Трофим оторвал себя от нее и метнулся вверх.

Заполотно, поспешно, чтобы не передумать. В душ, немного успокоиться, и затем – к гардеробу. Одежда и взял вещи для нэнги...

А потом она начала выяснять... Не кто он, не как она тут очутилась... Не-ет! Больше всего ее интересовало – когда сможет отсюда уйти.

И у Трофима внутри все болело, буквально – рвалось на части, ломалось...

Чтобы немного сбавить градус эмоций, он, как обычно, переключился на действия. Принялся готовить яичницу. Да, обращался с посудой словно с оружием, с яйцами – как с головами врагов. И нэнги, кажется все заметила.

Но зато немного сбросил пар.

Глава 4

В гостях

Яичница была очень вкусной. Мужчины редко заморачиваются готовкой. Съедобно – и ладушки. Выплюнул угольки, запил пересоленные участки, догрыз куски скорлупы... И так сойдет.

Но этот... экземпляр определенно умел кулинарить. Потому что даже такое простое и банальное блюдо превратил в лакомство, которое хотелось смаковать на языке и есть медленно, с чувством, с толком, с расстановкой.

Как выяснилось – я, действительно, здорово проголодалась. Сама не заметила, как уничтожила все на тарелке и покосилась на огромную сковороду, где еще осталось прилично еды. Медведь среагировал сразу же, понял без слов. Взял мою тарелку, метнулся, положил добавки.

Мы на пару молча спорили все, что наготовил медведь.

После чего он налил мне чаю и произнес:

– Ладно. Давай по порядку. Меня зовут Трофим... Трофим Хромов. Я – вербер...

– Вер... бер... – я эхом повторила это слово. Нет, конечно же, я знала, что оно означает. Но было так непривычно всерьез рассуждать об одном из видов оборотней в обычном земном городе... Как будто попала в другую реальность.

Но ведь я и попала. Я видела его в облике медведя, видела, как он обратился. Так что... сомнений в моей или его адекватности не оставалось. Наверное, этот эпизод моего несостоявшегося бегства все упрощал, а в чем-то – ужасно усложнял. Ведь именно после него мы едва не... Слава богу не... Только этого мне еще и не хватало!

Да. Он вербер. А я? Я ведь летала...

– Надеюсь я-то хоть не медведица? – уточнила я осторожно.

– Мы не летаем, – пошел по пути моих же мыслей Трофим. – Но прыгаем хорошо, как ты могла убедиться. Как тебя зовут?

– Леся... Олеся... Аллизарова...

– Леся... Можешь звать меня Тим...

– Я думала Фима... Ну Трофим же... Тим это типа от Тимофея...

Он так изменился в лице, аж передернулся, что я отклонилась от стола и замерла. Наблюдала. Вербер побледнел как мел, не моргал и только желваки бешено метались по его скулам туда-сюда, туда-сюда...

Наконец, он немного отвис... Выдохнул и произнес:

– Можешь звать Фима. Зови как хочешь.

И что-то такое было в его взгляде и голосе. Не знаю, я даже смутилась. Казалось – он позволял мне нечто такое, чего давно никому не разрешал делать. Не потому что что-то мне должен, а просто потому что я – это я. Возможно, мне только почудилось, просто разыгралось воображение. А у кого бы не разыгралась после таких-то сногшибательных новостей?

Но я смотрела в лицо Трофима, в его удивительные глаза и чудилось – я не ошиблась и не нафантазировала...

Он тоже воззрился, не шевелясь и лишь молча сглатывал, изредка моргая.

Чуть подался вперед, приоткрыл рот. И я невольно засмотрелась на его жестко очерченные, по-мужски, чувственные губы. А потом даже слегка отпрянула. Было так... так непривычно. Я смутилась, уперлась взглядом в чашку и услышала недовольный, хрипловатый голос вербера.

– Ну вот теперь ты знаешь, что оборотни не сказка.

– Так кто же я? – ухватилась я за нить разговора, как за спасительную соломинку из странного омута эмоций, что испытывала рядом с Трофимом. Он заметил. Все правильно понял. Встал так, что едва стул не опрокинул, плеснул себе чаю, обрызгав все вокруг, хотя я уже не раз убедилась – этот мужчина всегда действовал четко, даже ювелирно ловко и шустро. Вытер влагу размашистыми движениями тряпки и выдохнул в очередной раз. Со скрипом отодвинул себе стул и вернулся на место. Не столько сел – скорее уж рухнул.

– Ты нэнги. Особенный вид оборотней. Вы не превращаетесь целиком, во второй ипостаси вас словно окружает силуэт аурного дракона. Призрачный такой дракон. У тебя золотой...

– Я видела... сияние... Но когти были вроде бы вполне настоящие...

– Еще какие! – Трофим потер шею, где оставался след от моих когтей. – Еще какие... У нэнги вид призрачный, а вот действия – настоящие. И вы единственные оборотни, которые способны летать. Вас, кстати очень мало осталось. И часть нэнги как бы утратили свой вид. Генетическую память, что ли... Вот как ты. Живут среди людей словно они такие же, обычные смертные. Но ипостась может пробудиться...

– Так она у меня сама пробудилась?

– И да, и нет. Видимо, какое-то потрясение подтолкнуло. Вторая ипостась часто пробуждается в целях самосохранения. Что-то, как ты думала, тебе угрожало... Но потом... потом мой друг и врач – волк оборотень влил тебе кровь нэнги... И это ускорило, завершило превращение.

– Зачем? – удивилась я.

– У тебя была пневмония. И выбор был: либо человеческая больница, антибиотики и неясный прогноз, либо превращение – и быстрое исцеление.

– Так регенерация оборотней – тоже не сказка? – поразилась я.

– Ну как видишь! У нэнги, причем, кровь особенная. Ее принимает любой оборотень, и человек и она исцеляет...

– Мда. Хорошо, человеческие ученые не в теме!

– Мы прилагаем большие усилия, чтобы люди не знали про оборотней. Делаем все возможное, чтобы двусущих считали фантазией.

Я сосредоточилась на его лице. Трофим напрягся, весь как-то выпрямился, расправил плечи и будто чего-то ждал.

– Но это не объясняет того как я тут оказалась и почему... – перешла я к самому интересному и волнующему. Не знаю уж как так вышло, но вопрос застревал в горле и хотелось отдышаться.

Трофим, встал, прогулялся по комнате, еще раз прогулялся, скрестил руки на груди. Защищался. От чего? От меня? От правды?

Да что случилось?! До этого от был открыт. Не столько откровенен – сколько именно открыт для меня во всех смыслах этого слова. Нараспашку, как иногда выражаются. А теперь вдруг решил выдержать дистанцию?

– И? – я нервно покрутила в руках чашку. Трофим проследил за моим жестом, отмахнулся и спрятал руки в карманы.

– В общем... Я работаю на ПОН и ОПО как наемник.

– На кого ты работаешь? Вы...

– Ты! – он сказал с нажимом, с одновременной просьбой и требованием. Словно считал, что имеет на это право, но опасался, что я не пойму и не соглашусь.

– Есть несколько организаций оборотней. ОПО и ПОН – правоохранители. ОПО – организация по защите от оборотней.

– От оборотней? А не оборотней? – я сделала акцент на «от».

Трофим усмехнулся.

– Именно *от*! Их задача – чтобы о нас не узнали люди. ОПО – истина в последней инстанции, только ВАО – всемирная ассоциация оборотней может ей диктовать или противоречить. Все остальные – должны подчиниться. ОПО отслеживает и нейтрализует оборотней и людей, которые способны выдать нашу тайну.

– Нейтрализует... хм...

– Да! – резко произнес Трофим. – Именно так. И речь не о том, чтобы попросить больше так не делать.

– Я поняла. А людей? Людей они тоже нейтрализуют?

– Нет. Людям стирают память при помощи нашего сверхгипноза, которому никто не может противостоять.

– Как люди в черном прямо...

– Ну да. Если только учесть, что большинство оборотней нарушителей из застенков ОПО никогда не выходят.

– А ПОН?

– Полиция оборотней. Ловит самых опасных двусущих. Сама понимаешь, иной раз они преступают все законы и тогда ОПО с ПОН работают вместе. Есть еще СОМ – союз оборотней мира. Ну это нечто вроде посольства двусущих в любой стране. И работает также.

– Значит... Меня велело тебе поймать ОПО?

Я посчитала, что именно это так взволновало и смутило Трофима. То, что он по сути собирался сдать меня в застенки, откуда, по его же собственным пояснениям, почти никто никогда не выходит. Причем сдать ни за что. Я ведь и сама не знала, что со мной происходит... То есть, по сути, отправить ни в чем не повинную женщину в тюрьму... А лишь потом передумал.

Однако вербер спокойно кивнул, опровергая мои догадки.

– Да. Я был ближе всех из охотников на нарушителей. Так что меня очень попросили. И я легко и быстро нашел тебя...

– Ладно. Но почему я тут? А не в ОПО?

Трофим сжал губы, желваки снова бешено заметались по его скулам. Ага! Вот оно! Нашу-пала! Еще бы знать, что же именно!

Трофим взял свою чашку со стола, выпил залпом, как водку. Выдохнул, вытер рукой губы...

Посмотрел исподлобья. Так, словно я его и пытаю, и спасаю одновременно. Эдакий взгляд жертвы, что зависит от палача больше, чем хочет. Потому что он не только распоряжается ее телом.

Или у меня фантазия разыгралась? Но почему-то мысли появились сами собой и сомнений не возникало.

Трофим прошелся по комнате, спрятал руки в карманах, скрестил на груди. Затем вернулся к чайнику и принялся наливать себе чай. Медленно так, словно нарочно.

Я слышала, как журчит вода...

Не глядя на меня, вербер ответил:

– Я увидел, что ты сильно больна и решил помочь. Считай – посочувствовал.

И вот теперь, впервые, за нашу беседу я услышала в его голосе нечто, чего раньше в нем не было. Неуверенность в собственных словах, что ли. Неискренность?

Да он врет! Вот что кричали все мои инстинкты.

Трофим молча завершил процедуру наливания чая, повернулся ко мне, и присел напротив.

– Тебе нужно срочно узнать, как действовать, учитывая, что вторая ипостась пробудилась. Тебе нужен учитель... тренер, если хочешь. Тот, кто объяснит, как жить, если ты нэнги.

Как скрывать ипостась, как использовать. Опять же, тебе нужно встроиться в нашу систему. Зарегистрироваться, получить новые документы... В общем, я тебе все объясню.

Твердый, упрямый взгляд уперся в мое лицо. И я сразу поняла – больше он ничего не скажет. Хоть пытай. Хоть на части рви.

Ладно. Я жива. Я здорова. И я оборотень. Что ж. Теперь надо узнать, как действовать и связаться с родными.

Я сглотнула. Мой Мишутка! Мальчик мой! Наверное, переживает! Мамы столько времени нет и где она неизвестно! Боже... сыночек!

Интересно, а меня искали?

Я вскинула взгляд на Трофима и в лоб спросила.

– А мой муж и сын? Они разыскивали меня?

Вербер аж дернулся, подорвался с места, пронесся по комнате вихрем. И я увидела сияние вокруг его тела, футболка начала трещат по швам, словно Трофим не контролировал обращение. Воздух разорвал утробный медвежий рык. Такой, что я тоже подскочила на месте и опасно оглянулась на хозяина дома.

Он не был зверем, пока. Но был страшен.

Оскал искажил красивое мужское лицо, выдавив из него все цивилизованно-человеческое, все человеческое, в принципе. Глаза засверкали и кажется разрез немного изменился. Тело стало больше, бугры мышц кое-где прорвали швы футболки. Поза напоминала позу медведя, когда тот встает на задние лапы и движется на охотника. Нет, правда! Впечатление было настолько сильным, что я дернулась назад и едва не опрокинулась вместе с креслом. Но оказалась моментально поймана.

Трофим преобразился.

Вроде бы даже немного успокоился.

Тяжело дыша, вернул меня в нормальное положение. Коснулся моих плеч горячими вздрагивающими пальцами. Чуть сжал... Снова рыкнул, но уже почти по-мужски, по-человечески и отпрянул.

Рубанул рукой по воздуху, произнес недовольно и зло:

– Ты никогда не должна бояться меня! Я ни за что и никогда не обижу тебя!

И что-то такое чувственно-глубокое, берущее за душу звучало в его словах. Я просто замерла, глядя в лицо Трофима. Он прикусил губу в который уже раз, сжал кулаки и отошел от меня, словно не мог держаться поблизости и чего-то не сделать. Будто ему легче было удерживать себя от чего-то, оставляя между нами расстояние больше метра, а то и еще больше.

Стена из воздуха – вот что это было такое... Стена из воздуха...

– Я никогда тебя не обижу... – повторил Трофим словно заклинание уже гораздо тише, не глядя на меня. – Это невозможно, Леся...

– Так что с моими близкими? – осторожно напомнила я.

– Я сейчас позвоню Рему... Эм... Харему Фокину – главе местного ОПО. Предполагаю, что они позаботились, чтобы тебя не искали...

Я аж подскочила как ужаленная.

В ужасе сморгнула.

– Позаботились? Что они сделали? Мой сын... он ни в чем не виноват...

– Успокойся, – голос Трофима звучал надтреснуто и очень ласково, словно он понимал, что такое терять близких и очень мне сопереживал в эту минуту. Даже больше, чем я могла бы рассчитывать. Вербер тяжело сглотнул, будто слюна не проходила в глотку. – Ничего им не сделали. Скорее всего, внушили, что ты уехала к подруге, в командировку, к больной родственнице или вроде того. Обычно поступают именно так. Я сейчас позвоню, и мы все выясним. Не паникуй! Твоих близких никто не тронет!

– Ты уверен? – шепотом произнесла я.

Он уперся рукой в стол и наклонился к моему лицу. Посмотрел в глаза: прямо и без утайки. Весь открылся как прежде.

– Да. Я абсолютно уверен! – произнес твердо. – Иначе не говорил бы.

Глава 5

Трофим

Твою ж налево! Как обухом по голове!

А ведь Рем предупреждал! Не зря он просил прочитать досье нэнги!

Настаивал даже! Знал? Наверняка, знал... Этот проныра не мог поручить Трофиму поймать нелегальную оборотницу, не разобравшись – что с ней и как. В конце концов, реально, ее близкие не должны были хватиться пропажи. И ОПО за этим очень дотошно следило.

Иной раз, если нарушителей приходилось «обезвреживать», то есть запереть навсегда, их человеческим родственникам и друзьям внушали, что те погибли или пропали без вести. В любом случае, если ОПО поручили Трофиму поймать нэнги, следовательно, для ее близких уже был готов план! А это значит – Рем точно знал, что у Леси есть муж и сын.

Но мать же твою! Как?! Какого...

Муж! Да еще и ребенок! Это как... как удар по яйцам и под дых одновременно! Не знаешь за какой болевой центр хвататься!

Конкуренции с другим мужиком Трофим не боялся. Он альфа-оборотень. Такие никогда не проигрывают простым людям. Да и равным себе тоже крайне редко уступят. Трофим нравился женщинам: и двусущим и человечкам. На вербера часто западали, так что в своей привлекательности он не сомневался. К тому же, Трофим имел хороший дом, большой участок и очень приличные средства... Он мог многое дать своей женщине. Какая уж тут конкуренция?

Но ребенок... ребенок означает прочную привязку в семье. Женщина может ненавидеть мужа, но жить с ним ради ребенка! Особенно если сын обожает папу, если у них прекрасные отношения... Женщины... они такие... их хлебом не корми – дай самопожертвовать ради ребенка.

Не факт, что Лесья такая... Она ведь драконица. А, значит, гордая, сильная, знает себе цену...

Но... надежду на то, что завладеть ею будет легко и быстро, новость обрубала просто на корню.

Трофим заметался по комнате. В голове барабанило, в ушах гудела кровь. До зуда хотелось убивать. Убить! Уничтожить соперника! Звериные инстинкты рвались наружу, мышцы звенели от напряжения и желания сломать, разорвать на части этого ублюдка, который похитил его нэнги и так с ней обращался! У нормального мужика жена не лежит на снегу с пневмонией. Не бродит по поселку без цели и конечной точки пути. Потерянная и тяжело больная. Это его, его вина! Этой сволочи, которая смела к ней прикасаться, быть ее мужиком в постели!

Действительно ли Трофим считал, что супруг Леси виновен в случившемся или же ему просто хотелось так думать... сложно сказать. Только внутри вербера бушевали такие страсти... Бешенство застило глаза алым... Ярость клокотала в груди и вырывалась из глотки рычанием. Настоящим уже, звериным!

Руки сжались в кулаки, все тело, словно пушечное ядро было нацелено на одно – избавиться от соперника, наказать этого ублюдка!

Впервые в жизни Трофим не мог справиться со звериным нутром. Обычно оно четко подчинялось человеку. Потому что человек ведь главный. Он – всему голова. А вот сейчас...

Он даже не сразу сообразил, что начал неожиданно обращаться.

Но если Трофим не мог управлять собой, уже не владел даже своим телом, с этим легко справилась нэнги.

Она испугалась, вся побледнела, дернулась назад и едва не опрокинулась вместе с креслом. Трофим не думал – действовал на инстинктах. Поймал, поставил и... опять поплыл.

Нет, реально, как полный дебил! Поплыл, глядя на ее тонкую, белую шею, на узкие плечи... такие совершенные, такие соблазнительные, изысканные...

Он едва коснулся их, а затем даже не осмелел – обнаглел, потому что инстинкты опять взяли верх. Снова! В который раз за последний час! Он чуть сжал пальцами плотные, идеальные мышцы плеч нэнги... коснулся ключиц...

Отскочил, потому что понял – теряет контроль. Окончательно и бесповоротно.

Над телом, над инстинктами, над мыслями... И... над действиями... Вот что самое худшее. А этого нельзя было допустить. Только не опять! Хватит уже терять голову! Пора бы взяться за ум.

– Ты не должна бояться меня! Не должна! Я никогда тебя не обижу! Ни за что на свете!

Он то ли хрипел, то ли стонал. Но точно не говорил.

Трофим выдержал между ними дистанцию. Достаточную, чтобы снова суметь разговаривать... Не рычать, не целовать, не касаться. Говорить! А не ныть!

И думать о том, что спросила у него нэнги.

Попробовал отдышаться и произнес, вроде бы, чуть спокойней:

– Я никогда тебя не обижу... Это невозможно, Леся...

Она изучала его. Смотрела. Думала.

– Так что с моими близкими? – спросила очень тихо и вкрадчиво. Даже, кажется, чутка опасно.

– Я сейчас позвоню Рему... Эм... Харему Фокину – главе местного ОПО. Предполагаю, они позаботились, чтобы тебя не искали...

Он сказал это без задней мысли. Имея в виду то, о чем недавно рассуждал сам с собой. Скорее всего, родственникам внушили, что Леся куда-то уехала или типа того. Нэнги пока не совершила ничего такого, чтобы ее запереть в застенках навеки. Лишь начала превращение и не показывала своего зверя людям. Да и сам Рем вроде бы упоминал, что ее планируется обучать, а не изолировать.

Однако нэнги поняла все по-своему. Подскочила, округлила в ужасе глаза, посмотрела затравленным зверем.

– Позаботились? Что они сделали? Мой сын... он ведь ни в чем не виноват... Он...

Трофим сглотнул ком в горле. Почему-то захотелось заплакать. Он в жизни никогда не плакал! Даже на похоронах Славы! Даже тогда держался. Стиснул зубы до скрежета, сжал челюсти до боли, острыми ногтями оборотня разодрал кожу ладоней до крови. Не позволил себе этой бабской слабости, капитуляции перед эмоциями. И... вдруг... развезло. Как слюнтя последнего.

Трофим сглотнул, постарался сдержаться. И произнес со всем чувством.

– Успокойся. Ничего им не сделали. Скорее всего, внушили, что ты уехала к подруге, в командировку, к больной родственнице или вроде того. Обычно поступают именно так. Я сейчас позвоню, и мы все выясним. Не паникуй! Твоих близких никто не тронет!

– Ты уверен? – спросила она совсем тихо. Вся сжалась, воззрилась так... как на последнюю надежду.

Трофим снова поддался порыву: эмоции и желанию. Уперся рукой в стол, наклонился к ней ближе, поймал взгляд. Опьянел от этого враз. Аж повело снова. Но все же выдохнул:

– Да. Я абсолютно уверен! Иначе не говорил бы.

И чтобы совсем не утратить самообладание, отшатнулся, и вызвал Рема с телефона на ухе. А затем, чтобы она совсем поверила и не сомневалась, пальцем включил громкую связь.

– Привет. Моя нэнги очнулась...

Он дернулся после слова «моя» – сказал ведь на чистых инстинктах, что чувствовал – то и выложил, и покосился на Лесю. Но она вроде бы не переживала. Наверняка, опять поняла

все по-своему. «Моя», в смысле, которую он выходил или поймал, или вроде того. Ну, что ж, это и к лучшему.

– Это хорошо, – среагировал верпантера.

– Ты на громкой связи. Она переживает за своих близких. Поясни, что ничего с ними не сделали.

– Разумеется! Мы внушили им, что Леся уехала по заданию редакции в другой город. Она ведь фрилансер журналист... Пишет очерки, интервью и прочие вещи. А для этого часто приходится встречаться с кем-то, куда-то отправляться. Вернется через неделю-другую. То, что связи нет объяснили тем, что там нужна особенная симка, да и сотовый плохо ловит. Поэтому как поедет назад – сразу же позвонит.

– Эх... – она вздохнула и чуть не всплакнула.

– Что не так? – заволновался Трофим.

– Я же дома забыла сотовый!

– Ваш телефон у нас, – успокоил ее Рем. – Мы работаем грамотно, зря сомневаетесь. Теперь вам нужно пройти обучение...

– И пока я его не закончу, не смогу увидеться с сыном? – она перешла почти на ультразвук и даже приподнялась в кресле. А Тимофей еле сдержал улыбку – про мужа она даже не вспомнила.

– Ну почему же? Сможете. Несколько дней, чтобы научиться контролировать себя по первости – и вы вправе вернуться домой.

– Несколько дней – это сколько?

Трофим поморщился. Как же она жаждет от него убежать! Впрочем... на что он может рассчитывать, если Леся давно замужем и любит своих близких? На благодарность? Ну разве что так...

Внутри что-то оборвалось, защемило. Аж захотелось на стены лезть.

Так ребенку обещают компьютер. Он ждет, он слушается, он старается быть прилежным в школе. Он до Нового года считает дни... часы... А потом обнаруживает под елкой машинку. Простую, даже не на радиоуправлении.

«Прости, малыш. Сейчас у нас нет денег...»

Разве может ребенок *это* понять? Для него все просто – мир рухнул. Нет в жизни справедливости и правды...

Вот также чувствовал себя и Трофим. Хотя умом понимал, что он не прав. Он сам не узнал ничего про нэнги. Да и женщина ее возраста ну редко остается одинокой. Тем более такая женщина. Красивая, умная, чувственная...

Да мужики за такими табунами...

– Конкретный срок зависит от вас, – голос Рема вырвал Трофима из невеселых дум. – Посмотрим, как пойдет обучение. Я вышлю к Тиму тренера прямо сегодня. Скорее всего, он будет вечером.

– А раньше никак?

– Увы, нет. Вы у него не единственная драконица. А пока немного придите в себя. Уложите в голове что происходит. Тренер принесет вам и сотовый. Сможете позвонить... кому захотите...

Трофим стиснул зубы и ждал, ждал, что еще она скажет. Она молчала, глядя на вербера. Шурилась, изучала...

Трофим замер под ее взглядом и даже не знал – хорошо это или плохо. Просто остекленел и молчал.

Наконец, Леся отвисла:

– Хорошо. Я буду ждать. Спасибо.

– Вот и ладушки! Тим? Тебе нужно на завтра задание?

– Да! – рявкнул вербер, хватаясь за последнюю соломинку, способную хоть ненадолго, но выдернуть его из той безнадёги, в которую втянули нынешние новости.

– Лады. Тогда сброшу информацию. Посмотришь. Что неясно потом спросишь.

Ага. Дело, видать, секретное или Рем еще не до конца доверял нэнги. Что тоже вполне объяснимо. Вызов прервался, и Трофим опять воззрился на Лесю. Ничего не мог с собой сделать. Если она где-то рядом – взгляд сам собой притягивался к нэнги.

А она... она так смотрела... Трофим сразу понял – попал. Причем, явно по-крупному, по самые гланды вляпался.

Именно таким взглядом женщины посылают мужчин на гибель. Так, вероятно, смотрели прекрасные дамы, провожая рыцарей на смертельный турнир.

Есть такие женщины – роковые для мужиков. Те, которым отказать нету мочи, и проще свою шею подставить под топор обстоятельств, чем выдавить заветное «нет».

Наверное, каждый сильный мужчина и альфа-оборотень однажды встречает такую женщину... Во всяком случае, Трофим такое не раз видел и даже сочувствовал.

И вот сам... попал...

Она и сама не понимала – какую имеет над ним власть и как может им распоряжаться. Она просто смотрела с надеждой, с затаенной мольбой, из чего Трофим сделал единственно верный вывод – просьба нэнги дастся ему нелегко.

Впрочем... Для нее, ради нее... разве можно чего-то не сделать?

Он кивнул, предлагая Лесе ни в чем себе не отказывать. Она смутилась.

Ого! Значит, просьба еще сложнее, чем предполагал Трофим. Но разве есть что-то, чего не сдюжит альфа-оборотень, когда просит пара?

Дурочка! Она этого еще не понимает. Мир оборотней для нее – закрытая книга. Трофим подошел к столу, снова оперся ладонями в него и наклонился к нэнги. Вдохнул ее запах, как яд, который так сладок и приятен, что хочешь его несмотря на последствия. И даже инстинкт самосохранения уже не помеха. Даже четкое рассудочное «что же я делаю?» сменяется на «да катись оно... мать твою... как хорошо...»

– Ну что? О чем ты меня просишь? – спросил Трофим слишком уж ласково. Ну так вышло... так получилось.

Она удивилась – приподняла брови и нервно сглотнула.

– У меня, действительно, есть большая просьба к вам... к тебе... Фима.

– Говори...

– Не знаю, имею ли я право. Явно это не по вашим правилам...

– Не по моим или не по правилам оборотней?

– Скорее второе.

Это уже хуже.

– Все равно говори...

Она стусевалась окончательно, уронила глаза в чашку, изучала там что-то, на дне... Затем вздохнула.

– Понимаете... Я безумно хочу видеть сына. Я не имею права просить вас. Возможно, это какое-то нарушение... Боже! Но... у него как раз скоро заканчиваются уроки. В половине двенадцатого. Я бы только встретила его из школы, мы бы подвезли его до дома...

Да уж! Просьба так просьба!

Всем задачам задача.

Нэнги пока не имеет право встречаться с близкими. Пока не контролирует звериную ипостась. А если и ее сын тоже нэнги... Тогда все еще хуже.

Трофим взялся ее охранять и выхаживать и отвечает за нее в полной мере. Следовательно, ОПО по головке его не погладит.

Вербер усмехнулся. Да плевать! Как можно ей отказать? Вообще, в принципе! Тем более, сейчас, когда она такая...

Губы вздрагивают, в глазах алмазы невыплаканных слез, кулачки сжались.

Мать, разлученная с ребенком...

Трофим тряхнул головой.

– Поехали! – заявил громче, чем требовалось.

Она встала, неловко себя оглядела.

– Ах, да! Я купил для тебя одежду... По первости... Уж прости, пока лечил, выяснил все размеры...

– Э-э-э... А это точно не настолько сильно все нарушает? У вас... у тебя ведь не будет проблем?

Она была ему благодарна, смотрела снизу вверх с таким выражением лица.

Да твою ж!

Он за такой взгляд, только за это на плазменный пистолет сиганул бы! Пока люди использовали пули, оборотни давно освоили новое оружие.

За такой взгляд хоть под поезд, чтобы вытащить с рельс ее булавку!

– Поехали! – не отвечая на вопрос произнес Трофим. И чтобы она прекратила расспрашивать, потому что врать тоже плохо уже получалось, а молчать и не отвечать – еще хуже, когда она так настаивала, вербер рванул к гардеробу, где развесил вещи для нэнги.

Она с удивлением наблюдала, как он вытаскивает утепленные колготки, лосины с начесом, джоггеры, майки, свитера...

Раскладывает на диване...

– Ничего себе! – удивилась нэнги. – Вот это вы подготовились!

– Да ничего особенного, – небрежно отмахнулся Трофим. – Всего лишь заказал в ряде магазинов. Размеры медики мне сказали. Твои любимые цвета подсказала твоя одежда. Ну вроде бы такие штаны сейчас в моде. Я так-то мало интересуюсь...

Он захотел извиниться, но она улыбнулась.

– Да, модные, угадал!

– Это радует!

Он понял – что скалится во все рожу. Аж губы свело. И никак перестать не в силах.

– Вот еще! Держи!

На диван упали шапка-балаклава, похожая на ту, что носила нэнги и пуховик цвета металлик.

– Там еще угги, в прихожей. Потом посмотришь в каких удобно.

– Эм... Мне даже неловко. Я же не могу сейчас за это заплатить. У меня и сотового нет, чтобы деньги через банковское приложение перекинуть. Сколько все это стоило?

– Не дороже денег! – отмахнулся Трофим. – Я не возьму у тебя деньги! Даже не думай!

Он сказал твердо, резко, она удивленно выпрямилась.

– Вы... ты серьезно?

Аррр... Да что ж ей так сложно-то сократить дистанцию? На каждые его два шага вперед, она шагов десять пятится...

– Серьезно. Я ничего не возьму. Телефон, на котором сидят карты не дам. И наличку не возьму. Точка. Одевайся. Я подожду в коридоре.

Глава 6

В восторге

Я не знаю, что на меня нашло. Я должна была увидеть Мишутку, убедиться, что с ним все в порядке. Даже слова Трофима и его этого друга, знакомого или кто он там ему из ОПО меня не убеждали. Я обязана была увидеть сына своими глазами. Эта мысль затмила все.

Я подспудно чувствовала – Трофим чего-то недоговаривает. На задворках сознания мелькали подозрения, что мы действуем не по правилам оборотней и кто-то за это здорово заплатит. А раз Трофим так обо мне заботился, лечил, выхаживал, вряд ли этим «кем-то» окажусь я.

Но у меня не хватало душевных сил подумать обо всем этом всерьез, взвесить все «за» и «против». Я не могла не увидеть сынишку.

Трофим вышел на заснеженную улицу и пригласил меня в большой черный джип, под стать хозяину. Открыл дверцу, чтобы я села на кресло рядом с водительским. Я послушно устроилась.

Трофим молча сорвал машину с места. Стремительно открылись дальние ворота, и мы выскочили наружу стрелой, лихо повернув на широкую улицу.

Дороги здесь оказались очень даже неплохими для поселка. Гладкие, на удивление неплохо вычищенные. У нас зимой куда реже тракторы проезжают и заносов куда больше.

Трофим мчался как угорелый, словно за нами гнались сотни адских гончий. Но рулил так мастерски и ловко, что мне в голову не приходило попросить его ехать помедленней. Я странным образом доверялась этому оборотню, которого, уж если честно, едва знала.

Спустя несколько минут я встрепенулась и повернулась к верберу с вопросом, который должна была задать еще когда мы «трогались». Как потом выяснилось – во всех смыслах этого слова, а не только в плане отъезда из дома.

– А куда мы направляемся?

– Ты же просила к школе, где учится сын...

Он немного удивился, я тоже, потому что ни тени сомнений или недоумения в голосе вербера не прозвучало.

– Но вы... ты же не в курсе, где он учится...

– Я посмотрел данные, которые скинул Рем, пока ты одевалась. Так что знаю и номер школы, и адрес.

– Но едешь без навигатора?

Он усмехнулся с таким выражением лица... Так взрослый ласково и понимающе усмехается на удивленный вопрос ребенка – как можно увидеть Луну в дневном небе.

– Я хорошо знаю окрестности. Мне достаточно адреса.

– Значит, мы недалеко от нашего поселка?

– Недалеко.

Он как-то странно на меня покосился, словно собирался что-то спросить или ожидал от меня какого-то совершенно конкретного вопроса. Но промолчал. Вздохнул.

Прибавил газу.

Снежинки запятыми размазывались по стеклу. Уже влажные, готовые к скорой весне.

За окнами замелькали другие машины – мы вырулили из поселка и направлялись, видимо, в соседний. Туда, где жила я.

Я невольно сосредоточилась на вербере. Он выглядел как-то не совсем обычно. Хотя я понятия не имела – как он выглядит «обычно», ведь мы лишь сегодня познакомились, да и общались всего ничего. Однако чудилось – что-то его всерьез встревожило. Руки сжали руль

до такой степени, что между пальцами проступили бугорки мышц. Сразу вспомнилось, как я спорила с одной читательницей по поводу своего репортажа. Она с пеной у рта доказывала – руки не могут быть мускулистыми, на ладонях нет мышц. Но я сейчас отчетливо видела – есть они и мускулистость рук – отнюдь не художественный прием. Челюсти Трофима крепко сжались, а желваки то и дело заставляли скулы заостряться сильнее. Отчего лицо становилось более жестким. Ноздри изредка раздувались. Вся поза Трофима выглядела как поза ожидания чего-то неизбежного и непременно плохого. Он чуть сгорбился, набычился, смотрел исподлобья, словно готовился к серьезной защите.

– Что-то не так? – наконец, не выдержала я.

– Все хорошо, – он опять ответил неискренне. Я очень хорошо это чувствовала, буквально всей кожей. Собиралась спросить еще, но в эту минуту мы опять газанули, свернули, пронеслись по какой-то проселочной дороге, мне неизвестной – и я увидела здание школы.

Все. Меня будто переключило. Я смотрела как здание приближается и не думала больше ни о чем на свете. Кроме одного... скорой встречи с сыном...

Трехэтажная серая постройка вытягивалась в высоту и расширялась перед взором. Надвигалась, я бы сказала. У крыльца суетливо работал дворник.

И едва мы притормозили, как из школы показался мой... Миша! Словно нарочно! Словно по волшебству!

В своей белой шапке балаклаве с темными ушками панды, в серой куртке. Высокий для второклассника, курносый, симпатичный.

Я выскочила из машины и рванула к нему.

– Мама! Мамочка!

Мы встретились у ворот, потому что оба бежали навстречу друг другу. Обнялись. Я прижала сына, прикрыла веки, потерлась щекой о его щеку.

Он улыбался! Улыбался!

Внезапно нас начало окружать серебристо-золотое сияние, что-то менялось в моем мальчике, неуловимо, но я чувствовала и видела. Меня окатило теплом. Мишутка как будто стал больше, объемней. Вроде бы мои руки держали все того же мальчугана, местами хулиганистого, но такого славного... и одновременно он стал каким-то иным...

В ту же секунду нас подхватил огромный вихрь-Трофим, крутанул, закрыв спиной со стороны школы и двоих, обнявшихся, донес до машины.

– Садитесь! – хрипло приказал вербер. – Быстрее! Давайте! В салон!

Мы с Мишуткой послушно забралась на заднее сиденье.

– Мама! Ты вернулась!

Опять меня переключило и странный эпизод во дворе школы показался таким неважным... Таким незначительным... Таким не стоящим даже одной мысли...

Мишутка прижался ко мне.

– Малыш. Я еще не вернулась. Проездом, кое-что захвачу из редакции и снова уеду. Но через три-четыре дня...

Я запнулась. Как объяснить, что я не домой приеду, жить, как всегда, а буду видеть его каждый день? Ведь, возможно, меня еще не отпустят из-за обучения!

Я замолчала, подбирая слова и термины.

– Скажи ему все! – произнес Трофим. – Он тоже оборотень. Почти превратился, если бы не я. Вас могли увидеть...

Последняя фраза прозвучала опять очень странно – глухо и обреченно.

Так вот что случилось возле школы! Серебристо-золотое сияние! Оно мне не почудилось!

– А-а-а... Почему? Он ведь раньше не обращался...

– Твоя пробудившаяся ипостась вызвала и его дракона... Связь сына с матерью очень глубокая и часто именно мать способна вытащить из ребенка дремлющего нэнги. Мы с таким не раз уже сталкивались...

Я посмотрела на сына. Чудилось – сейчас он сочтет нас с вербером ненормальными. Или решит, что все это профанация, обман, розыгрыш. Ну какой же вменяемый человек поверит в оборотней, в то, что сам не совсем человек?

Однако Мишутка поправил балаклаву, чтобы не лезла на глаза и кивнул.

– Я понял. Я почувствовал, как превращаюсь. Но это же здорово!

– Да. Но придется теперь вам обоим жить у меня...

– У вас в гостях? – уточнил сын.

– Да. Я тоже оборотень.

– Но не дракон. Вы пахли иначе, когда нас схватили. Не так как я и мама. Запах был очень сильный и звериный.

– Я медведь.

– Ого! А покажете?

Мишутка аж подпрыгнул на сиденье.

– Да, конечно, – нейтрально ответил вербер. Его определенно что-то сильно тревожило. Но Трофим не стал распространяться, и я снова увлеклась общением с сыном.

Боже! Боже! Боже! Мы вместе! И теперь он будет жить со мной пока я не дома! Ура! О господи! Как же здорово!

Мишутка разделял мои восторги в полной мере.

– Я давно подозревал, что я – не такой как все. Но это же клево! Это круто! Это просто... Вау!

– А мы еще и летать обучимся, – поддакивала я.

Кто бы подумал, что объяснить все моему сынуле так легко и не проблемно.

Трофим будто уловил мое удивление.

– Дети оборотни ощущают, что они двусущие, даже если сознательно не понимают. Поэтому быстро и спокойно принимают новости. Проверял уже, – пояснил он. И все-таки в голосе Трофима звучало напряжение, которое он пытался скрыть, но не смог. Я прямо ощущала эти взволнованные вибрации...

Это выглядело еще более странно, нервировало. Уверена, этот громила отлично владеет собой. А уж раз не получилось сдержаться... значит, дело совсем плохо?

– Что-то произошло? Трофим? – нервно уточнила я.

– Все будет хорошо! – вот теперь он говорил очень искренне, твердо и уверенно.

Меня это успокоило. А зря! Я тогда еще не понимала – эта убежденность в хорошем исходе касается лишь одного... Того, что считал важным вербер. А я-то губу раскатала, что все нормально, и мои подозрения, странности в поведении Трофима – это все мне только мерещится...

Наверное, мне проще было так думать... Ведь я толкнула вербера на поездку. И все, что случилось потом, включая частичное обращение Миши – тоже моя вина.

Мы вернулись во владения Трофима довольно быстро.

Миша вышел из машины и снова воскликнул: «Вау! Здесь такой большой двор!»

– Да! Хочешь летай, хочешь бегай, – усмехнулся вербер и покосился на меня. Кажется, вспомнил мой недавний побег. – Пошли, сделаем блинчики. Хочешь?

– Хочу! – восторженно произнес сын.

Даже удивительно, что они с Трофимом сразу нашли общий язык.

В широкой парадной с рогатинами и вешалкой из пластика, отделанного под дерево, я уточнила у вербера.

– А как муж узнает, что мы забрали Мишу и что с ним все в порядке? Он не станет его разыскивать?

Сын тем временем уже осваивался в доме оборотня, бегал по гостиной, изучал мебель и вид из окна.

– Не волнуйся. ОПО уже все ему объяснило. Внушило, что все так и должно быть... Например, ты вернулась и взяла ребенка в командировку. Ну что-то такое, скорее всего.

– Откуда ты знаешь! И откуда ОПО знает... знает? Ой...

Только теперь до меня дошло! ОПО, видимо, отслеживает таких как я. И, наверняка, агенты или кто там у них, видели все, что случилось у школы...

О-ой...

Я взгляделась в суровое лицо вербера.

– Они все видели? Ведь так? За мной следят, пока я еще не совсем обучилась быть оборотнем? Да?

– Да...

Он ответил тихо, спокойно. Но что-то такое было в его голосе. Я сосредоточилась на лице Трофима. Тот мгновенно нацепил каменную маску, чем еще больше меня встревожил. Впервые с момента нашего знакомства, вербер «фильтровал» эмоции, которые мне показывал. Нехорошее предчувствие прошлось холодком по спине.

– Но...

– Ни о чем не волнуйся. Все будет хорошо.

Трофим растянул губы в улыбке, но взгляд его оставался серьезным. Пожалуй, даже каким-то обреченным. Так смотрят на поезд, что падает в пропасть и ничто уже не способно предотвратить катастрофу.

– А ты меня не обманываешь? Ты ведь не сказал, что они станут следить...

– Это что-то изменило бы?

Он внимательно изучал мое лицо. Руки вербера дернулись, словно он хотел что-то сделать, но не сделал. Руки плетью повисли вдоль тела, а потом вдруг юркнули в карманы.

– Не думаю... – честно выдохнула я. – Я не могла... Понимаешь? Я не могла не увидеть сына. Не убедиться, что с ним все хорошо...

– Понимаю.

– И? Что теперь будет?

– Все будет хорошо!

Казалось – эта фраза множилась на языке вербера, как на копировальной машине. Только одна версия вышла – другая готова. И так без конца. Это выглядело странным и очень тревожило.

– Все будет хорошо! – повторил он, я уже сбилась со счета в который раз. – Не бери в голову...

– Точно?!

Повинуясь какому-то порыву, я взяла вербера за локоть. Он замер, остекленел, медленно опустил взгляд на мою ладонь, которая вцепилась в его руку. Еще раз натянуто улыбнулся. Накрыв мою руку своей – горячей, огромной и улыбнулся уже тепло, хотя и немного грустно.

– Все будет хорошо!

Опять эта фраза сорвалась с его языка. Он чуть подался ко мне, вперед, облизал губы. А затем вдруг отдернул свою руку от моей, осторожно высвободится и шагнул в дом.

Глава 7

Трофим

Подозревал ли он, что случится? Да. Разумеется.

Догадывался ли, что сын Леси – тоже нэнги? Да. Это было первое, о чем он подумал.

Знал ли, что ОПО проследит за ними. Да! Безусловно! Леся находила на контроле ОПО. И вряд ли они выпустили бы ее из внимания.

Но Трофим не мог ей отказать. Не мог – и все тут. Знал, что, фактически, сам сует голову в петлю. Понимал, что после этого его однозначно накажут. Он взял ответственность за нэнги, и позволил ей встретиться с сыном.

Но все равно решил выполнить ее просьбу. Ну не мог он иначе.

А когда во дворе школы едва успел закрыть собой мальчика, который почти обратился и унес его с мамой к машине прежде, чем с крыльца начали спускаться другие ученики – осознал – дело дрянь. Теперь-то уж точно обычной критикой и ругачкой не обойдется. Да и штрафом ОПО не подмажешь. Придется платить. Звонкой монетой собственной свободы и жизни.

Но Трофим видел, как Леся светила изнутри, как смотрела на сына, как была счастлива его снова обнять и понимал – все не напрасно. Нэнги преобразилась. Выглядела такой одухотворенной, еще более прекрасной, пожалуй... Такой... Что сердце заходило и словно в весеннее безумие гнало куда-то.

И на душе у вербера реально весна расцветала. Какая-то совершенно подростковая, не свойственная взрослому мужику весна. Будто только теперь его существование, его жизнь стали более осмысленными, более настоящими, более наполненными. Не синтепоновой перемоткой дневного цикла – с утра до ночи, а Жизнью! С большой буквы.

Его уже давно покинуло это ощущение. Когда шуришься на солнце и улыбаешься, потому что оно в небе. Почему? Да черт его знает! Когда вскидываешь глаза к облачным каравеллам – и снова улыбка растягивает губы. Зачем? Да какая разница!

Так ребенок под Новый год хихикает и восторженно носится по дому, ощутив запах мандаринов и предвкушает чудо. Оно шуришит на пальцах оберточной бумагой и загорается гирляндами на елке...

Трофим лишь сейчас осознал, что это такое, когда внутри трепещет, когда посмеиваешься невпопад, несмотря ни на что и хочется сделать что-то хорошее. Просто так, потому что настроение такое.

Вот почему он предложил жарить блинчики.

Хотелось порадовать маму и сына. Они были такие... трогательно-милые, настоящие, счастливые... Что даже Трофима, который ожидал скорого наказания ОПО заставляли радоваться. Вопреки. Вместе.

А еще... еще ему было так приятно, что Леся вдруг обеспокоилась. Расспрашивала... Уточняла... Заглядывала в глаза...

Ей не все равно! Ей не все равно! Ей не все равно!

Барабанило в груди вербера и от этого становилось почему-то легче.

Ну правда, оно того стоило. Эти мгновения все окупали. Будет что вспомнить в застенках ОПО. А то, что его туда поместят после случившегося, у вербера не возникало ни малейших сомнений.

И будут правы. Вербер с самого начала знал про риски. Случившееся было предсказуемо как дважды два. Ребенок соскучился по матери, мать начала перерождаться, их соединение было и соединением вторых ипостасей. Зверь – такая же часть оборотня, как и человек. Он также тоскует по самым любимым и близким и также встречает их...

Поэтому не обратиться Миша не мог – он еще не знал, как это.

* * *

...Сын Леси оказался на диво смышленным, живым мальчуганом. И тем еще почемушкой. Трофим не успевал ответить на один вопрос, как его засыпали другими. Лесья улыбалась, помогала на кухне. Но вербер старался все делать сам. Хотя бы сейчас, пока...

Да неважно! Он хотел сделать ей приятное! И мальчугану ее тоже.

– А правда, что нэнги когда-то правили всем миром?

– Все верно.

– И их считали богами?

– Ага. Люди и оборотни им поклонялись. Египетские боги – это нэнги. Так видели их аурные тела древние люди.

– Обалдеть! И наша кровь совершенно особенная?

– Да. Вот первую группу можно почти всем переливать. Первая, положительная – универсальная донорская группа. А кровь нэнги можно вливать абсолютно всем, не зависимо от группы и резус фактора. Она оздоравливает, омолаживает, помогает вылечить инфекции.

– Вот это да-а-а! А почему нэнги не продают свою кровь? Они же могут много на ней заработать? Даже обогатиться!

Трофим подмигнул Лесе – мол, а парень-то с предпринимательской жилкой. Подбросил блинчик, поймал.

– Ух, ты! Да вы мастер!

– Я тебя научу еще делать медведей! – усмехнулся Трофим и вернулся к теме. Это важно. Это нужно ему объяснить. Пока он еще может это сделать. – Нельзя, чтобы люди узнали о свойствах крови нэнги. Иначе на вас откроют охоту...

Миша аж рот приоткрыл, посмотрел испуганно. Чуть попятился от шока.

– Да. Именно так. Но ты не бойся! Никто о вас не узнает!

– А почему у всех оборотней вожаки, а у нэнги – глава клана. И не поселения, не племени – общий, всемирный? Почему мы как медведи и волки не живем племенами? Раскиданы по миру, отдельно?

– Не знаю. Может потому что вас очень мало осталось...

– А это почему?

– Тоже не знаю. Предполагают, проблема в том, что у женщин нэнги нет пары...

– А у мужчин?

– У мужчин есть.

– Пара... Это как единственная и любимая?

Он говорил романтично, но в целом мысль уловил. Трофим покосился на Лесью. Она улыбалась. И так ему стало хорошо, без причины! А ведь сюда наверняка уже скоро приедут его арестовывать! И все равно верберу было так здорово сейчас, здесь... когда она улыбалась ему. Именно ему, а не просто так, от хорошего настроения.

Дурак! Он думал и вел себя как последний дурак!

– Да. Пара – она единственная. Думаешь о ней, делаешь ради нее все. И от нее хочешь иметь детей.

– А пару... ее сразу чувствуешь?

– Думаю, да. За всех сказать не могу... – он запнулся, потому что Лесья сосредоточилась на вербере, и стало ясно – что-то заподозрила. Трофим срочно поправился: – Насколько я знаю, сразу видишь – и понимаешь – она...

– А может быть пара у оборотня другого вида?

– Запросто.

– А дети? Они рождаются смешанными? Гибридами?

– Нет. Дети рождаются того вида, чьи гены сильнее. Очень редко получают еще часть способностей другого вида. Но я лично с таким не сталкивался, только слышал.

Трофим догадался – раз оборотни Рема медлят, не сразу его хватают и арестовывают – значит, дело, действительно, дрянь. Поэтому старый приятель дает верберу возможность немного побыть дома, с парой и ее ребенком.

Ну что ж... Это было ясно с самого начала. Хорошо, еще хоть какой-то блат у Трофима есть. Рем чутка попустительствует. Слегка подыгрывает. Делает вид, что для несрочного задержания – а куда Трофим денется о пары – пока нет свободных «рук» и «лап».

Лады. Спасибо и на том.

Могли сразу на месте скрутить и «обезвредить».

– Гляди! – Трофим расстарался, как мать когда-то учила. Вылил на сковородку тесто несколькими ложками. Получился медведь. Типа старосоветского олимпийского мишки. Круглые уши, круглая голова, овальное тело и капли – лапы.

– Ух ты-ы-ы! А мне попробовать можно?

– Пробуй! Но тут, брат, искусство! Сразу не выйдет! Нужна тренировка!

Трофим опять словил на себе улыбку Леси и снова размяк. Да плевать на грядущий арест! Когда еще он состоится! Если сейчас хочется опять орать во всю луженую глотку, как ему здорово! Как же потрясно!

И словно охлаждая пыл влюбленного оборотня, пьяного от близости пары, дурного от ее благодарности, Рем прислал Трофиму сообщение. Оно прочиталось на ухо, пока никто не видит и не слышит.

«Будем около пяти вечера. Готовьтесь. Сам понимаешь».

«Понимаю» – послал мысленный сигнал Трофим.

Еще как понимаю! Как и то, что старый приятель давал ему полдня для общения с парой и ее сыном! Может все и ненавидели ОПО за их методы и непримиримость. Но тамошние оборотни вовсе не последние мерзавцы и гады. Работа такая. И этим все сказано.

Ведь именно благодаря им уже много веков двусущих считают сказкой, мифом, фантастикой. Это все их заслуга. Их, которых в каждом доме оборотней только и проклинаяют.

Глава 8

В раздрае

Я наблюдала за сыном, за Трофимом и все вроде выглядело мило, весело, на позитиве... Но что-то такое я чувствовала в вербере. Какую-то глухую обреченность осужденного... Странную, давящую на грудь почизе бетонной плиты.

В том, как иной раз оговаривался вербер «Вот, запомни! Делай так!» Словно не рассчитывал показать Мише еще раз. В том, как он порой смотрел на меня и Мишу... Как мы едим блинчики со сметаной и малиновым вареньем, как смеемся, шутя друг над другом. Так смотрел, будто хотел запомнить, запечатлеть в памяти потому, что больше никогда мы не встретимся...

Иной раз думалось – разыгралось воображение. Уж больно Трофим был спокойным и оптимистичным. Перед неприятностями себя ведут совершенно не так... Вообще не так.

Но... червячок сомнения шевелился.

И тут... тут Трофим убрал тарелки в посудомойку, не позволяя мне помогать, и объявил: – А теперь пошли. Покажу тебе все в доме. Где что хранится, где какие комнаты. Где какие потаенные возможности оборотней...

И вот тут меня прямо передернуло.

Я взгляделась в серьезное и деловитое лицо вербера.

– Зачем нам все это узнавать?

Он заметил мое напряженное состояние. Натянуто улыбнулся, затем улыбнулся шире – выглядело как будто губы насильно тянут в разные стороны.

– Ну мало ли... Меня вызовут на задание... А вы тут одни. Что-то понадобится. Да всякое бывает.

Он врал! Я видела и чувствовала! Врет! Прячет глаза, изучает свои большие босые стопы. На удивление с высоким для мужчины подъемом. Сам не хочет – но врет.

Не знаю, что нашло, но я подошла к Трофиму, который ожидал возле лестницы на второй этаж, взяла за локоть как в коридоре и заглянула в глаза:

– Что случилось? – спросила тихо.

– Ты не хочешь этого знать, – подтвердил он мои подозрения.

– Пожалуйста, скажи... Я не хочу, но скажи! – взмолилась я.

Сердце пропустило удар. Он медленно накрыл мою руку своей, как и в прошлый раз, погладил пальцами и улыбнулся – легко, светло и почти позитивно.

– Давай вначале все тебе покажу, расскажу и объясню. А после поговорим. Хорошо?

– Почему?

– Ну я же хозяин дома! Давай уж хоть что-то сделаем, как мне нужно! Я альфа-оборотень или где? Ты уж так сразу меня не подминай каблучком!

Я еще какое-то время смотрела на него, изучала, как меняется выражение лица, удивительных глаз вербера. А они светились каким-то внутренним неподдельным, искренним светом. Не знаю уж почему, но оттенок обреченности внезапно исчез. Уголки губ Трофима приподнялись, морщинки на лбу совершенно разгладились. Да и та, что рассекла переносицу все последние часы, исчезла бесследно.

– Идем... Я тебе покажу, что хотел, – он улыбнулся шире, мягко и довольно. Будто ему неожиданно подарок сделали.

Не сразу, но отпустил мою руку, что покоилась на его локте. Подмигнул, крутанулся на пятках и двинулся вверх, по лестнице.

...Дальше шла детальная, развернутая экскурсия. Такая, словно мне придется тут жить без Трофима, и хозяин дома не хочет, чтобы я растерялась, искала. Это дико напрягало, пугало. Я прямо ощущала, как внутри натянутой струной звенит, предупреждает...

– Смотри. Вот тут мыло и плюс к тому, я купил тебе всякие женские пенки для мытья лица, гель для тела и прочее. Косметику. Если не подойдет, в любом случае, вам с сыном ОПО даст на первое время наши новые телефоны-компьютеры. Типа моего, что крепится на ухе. Там есть все нужные оборотню приложения. Для заказа еды, вещей и косметики. Все, чтобы не выходить за территорию, пока обучаешься.

– Умно...

– Да. ОПО работают грамотно и четко. Просто многие не понимают, сколько тысяч лет они защищают нас от людей.

– Вот тут, смотри рабочая комната. Здесь компьютер, пароля нет, поставил для тебя. Мой вот, на соседнем столе. Ты сможешь ваять свои репортажи, если вдруг срочно понадобится.

– Вот тут, смотри... шкаф-аптечка. Тут много чего. Знакомые лекарства есть. А вот это для оборотней. Смотри. Тоники. Выпил – и энергии через край. Правда потом сонный дня два. Кто-то – день, а кто-то и всю неделю. От вида и организма зависит. Альфы все переносят куда легче. Но для экстренных случаев то, что доктор прописал. Вот препараты для всяких нужд. Почитай, там все написано.

– Вот тут постельное белье. Смотри...

– Вот моющие средства и средства для стирки.

– Вот моющий пылесос...

– Вот тут хозяйственные инструменты всякие... Целый шкаф.

– Держи запасные ключи. Новые. Но я их все опробовал, еще когда заказывал. Работают. Этот от дома, этот – от калитки забора. Вот этот пульт заставляет ограду ехать в сторону, если потребуется впустить кого-то на участок. Я обычно пользуюсь калиткой.

– А вот это пульты от сигнализации, охранной системы и прочего. Думаю, не понадобится. Я ни разу не использовал, но регулярно проверял, чтобы функционировали. Этот дает ток на забор, этот включает сингалку, а этот подводит электричество к ручке двери, крыше и окнам. Везде есть незаметные глазу провода-хамелеоны – технологии оборотней. Если полезет чужак – получит такой удар током, что очнется не сразу. За это время уже и полиция придет. Кстати, номера разных отделов полиции оборотней я тебе обязательно запишу в новый телефон-компьютер. Ну и так, уже, совсем на всякий случай, вот электрошокеры и газовые балочки. Купил для тебя специально. Работают. Все проверил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.